

18+

АЛЕКСЕЙ ПОПОВИЧ

ТРОПА ЗАБВЕННЯ

Алексей Попович

Тропа забвения

«Издательские решения»

Попович А. А.

Тропа забвения / А. А. Попович — «Издательские решения»,

Четыре великих шлема — Чёрная Скала, Жёлтый Месяц, Белая Ворона и Красная Корона. Четыре реликвии, за которым охотятся все самые могущественные воины. Рыцарь Жак нанимается в отряд Шевалье, присоединяясь к походу через Страну Болот. В это время загадочная организация Орден Теней плетёт интриги, желая сместить молодого графа. В стенах замка скрывается множество тайн, которые волей случая начинают вырываться наружу. На болотах происходят катаклизмы, превращающие животных в опасных мутантов.

© Попович А. А.

© Издательские решения

Содержание

ТРОПА ЗАБВЕНИЯ	6
I	6
II	13
III	16
ОРДЕН ТЕНЕЙ	18
I	18
II	27
III	31
IV	37
V	43
VI	48
VII	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тропа забвения

Алексей Андреевич Попович

© Алексей Андреевич Попович, 2026

ISBN 978-5-0070-7674-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТРОПА ЗАБВЕНИЯ

I

Болота, они были повсюду. В них можно было не просто увязнуть, а затеряться — навсегда оставить своё тело. Тяжёлый шлем не только закрывал его от мира, он будто заточал в башню глаза и душу. Латы непосильным бременем приклеились к телу — как же давно он их не снимал. Он уже не считал число дней, которое провёл в дороге. Ночи сменялись днями, а те — годами. Всё это ради того, чтобы в конечном счёте напасть на след. Найти верный путь к цели. Разобраться с последним врагом. С главной миссией всего путешествия.

Жак уже не знал, что чувствует. За тысячу шагов он будто перестал понимать, есть ли у него ноги или же сама земля тащит его вперёд, влачит за собой, словно подбитую дичь. Деревья сменялись на открытые пространства, а затем вновь показывались на горизонте. Лесные пейзажи давно стали для него одним зелёным пятном, которое без конца размазывали по полотну неба. Верхушки дубов, которые тянулись к солнцу, перестали быть величественными охранниками. Жак теперь видел в них угрозу, безмолвное дыхание самой смерти. Они окружали его, словно постепенно пытаясь задавить. Ветки напоминали отвратительные щупальца морских чудовищ из легенд, которые так и норовили утянуть его за собой. Но было бы неверным сказать, что он боялся их. Жак уже ничего не боялся.

За ним словно тень тащился меч. Это огромное, но тонкое оружие — Белая Игла. Название что надо. Несколько килограммов настоящего металла, идеальное, почти беззвучное оружие в руках профессионала. Словно в ладонях швеи, меч тут же превращался в особенный инструмент, способный крушить и бить точно в цель. И каждый, кто видел его, непременно знал чьё это оружие. Меч был частью его, особым отростком — другом, который проводил с ним больше времени, чем кто-либо.

В топях мало кто жил, однако находились смельчаки, готовые провести здесь остаток лет. У них были свои правила, особые законы, благодаря которым становилось возможным выжить. Одно из главных правил на болотах — говорить как можно тише. Звуки привлекают непрощенных гостей, тех кто не прочь утащить в свою нору пару лишних тел на ужин. Ещё один важный закон — не носить с собой много лишнего. Каждая тяжёлая вещь за пазухой может стоить тебе жизни. Если упадёшь в болото, то вытаскивать будет некому. И последний, но не менее полезный совет — не доверять болоту. Многие, кто смог выплыть, возвращались обратно совсем не теми. Одни начинали вести себя как одержимые, звали в лес других, желая накормить трясину, другие сходили с ума от болотных испарений, начиная мнить себя пророками.

Топи — это не место для тех, кто ищет лёгкого пути. В этой пучине легко затеряться навсегда, потерять всё что имел в два счёта. Ведь это не ты выбрал идти через болота, а болота предрешили, что ты станешь частью их вязкой природы. Сюда приходят в отчаянии, желая исчезнуть, или же с целью проверить себя. Так теперь можно увидеть больше, так создаётся легенда о топях забвения. Месте, где навсегда утопают души. И пусть сотни уже безуспешно пытались, мало кто смог пройдя их сохранить себя — остаться человеком.

В воздухе пахло сыростью, этот запах окружал Жака уже много дней. Он пропитался им, словно выпечка, которую полили сиропом. Время в этих болотах будто замирало, тянулось так неохотно, то и дело останавливаясь. Жак понятия не имел какой сегодня день, все они смешались в кучу. Может быть сегодня выходной, а может всё ещё четверг. Впрочем, время уже перестало что-то значить. Он просто шёл, стирая ноги, в надежде однажды дойти до конца. И там, куда он придёт, непременно будет ждать что-то хорошее. Так бы ему хотелось думать.

Последними приятными воспоминаниями были рассветные красоты, которые он часто наблюдал, потому что плохо спал. В лесу сложно спрятаться от пронзительных лучей, они как беспокойные дети лезли ему в глаза, чтобы поиграть. В их ярком свете Жак чувствовал едва уловимое тепло. Это давало какую-то толику надежды, помогало держаться, делать следующий шаг. Усталый рыцарь плыл по лесному океану, уже не видя ничего красивого. Цветущие растения мало радовали, а дикие животные давно стали ему безразличны. Охота в болотах стала слишком опасной, поэтому ему приходилось питаться ягодами и кореньями. Последний кусок мяса побывал в глотке, когда ему попалось открытое место. Тогда он подстрелил из арбалета небольшого оленя. Воспоминания о вкусе того прекрасного жаркого, а также о нескольких неделях поедания сушёного мяса подбадривали его.

В этих местах когда-то всё было иначе. Каждый куст приветливо колыбался на ветру, приветствуя его, а любая птица предвещала своим пением приятный день. Густой туман и болотная трясина пришли на смену прошлому умиротворяющему пейзажу. Безжизненные виды нового мира мало радовали, больше напоминая какие-то разлагающиеся останки. Здесь терялось всё, звуки утопали в общем пугающем гуле. Крики птиц, скрежет корней, звериный вой, всё это звучало единым голосом изменившейся до неузнаваемости природы.

Теперь здесь царила жуткая тоска, зияла безжизненная бездна человеческих судеб. Солнце изредка попадало меж деревьев, радуя редкими вспышками. Игривые лучи, впрочем, не могли победить непроходимое царство тумана и мрака. Жак знал эти дебри, но сейчас они стали совсем другими. От топей не было спасения, они окружали всё вокруг. Только пройдёшь несколько метров спокойно и вдруг на пути возникнет очередная смертельно опасная трясина. Он уже видел, как животные случайно проваливались в неё, становясь добычей болота. За несколько секунд эти места целиком поглощали любое существо. Без каких-либо сомнений каждая душа здесь могла отправиться на корм быстрее, чем человек успевал подумать. Жак размышлял о сотнях детей, которые играли тут когда-то. А потом, направляясь бегом домой, спотыкались и падали в болото. И им никто не мог помочь. Что они могли против всеобъемлющей силы природы? А ведь дети так беспечны.

Жак много думал о прошлом, о былых днях, когда свет ещё пробивался в небольшие дыры для глаз на его шлеме. Тогда его меч служил не только смерти, а был чем-то большим. Настоящим инструментом на страже мира. Как забавно это звучало сейчас. Убивать ради мира и гармонии вокруг. Ещё ничего более абсурдного он, пожалуй, не слышал. Война давно перестала быть для него благородной целью. Вместо этого она служила оправданием всякому злу, которое творилось поблизости. И Жак брёл с этой мыслью вперёд, желая раз и навсегда прекратить долгую и изнуряющую гонку. Там, в замке, когда-то зародилось всё то, что изменило его жизнь. Многие годы он желал вернуться сюда, чтобы поставить точку.

Теперь он был сам по себе, не подчинялся чьей-то воле. Махал мечом лишь потому, что действительно знал кто враг. Лживые идеи, которыми его напитывали, более не существовали. Они рассеялись как дым затухающего пожара, потерялись в пустоте времени. Горечь того, что столько лет служишь злу, не может уйти сразу. Она и не должна уходить. Никогда. День за днём, будто змея, она окутывает шею. Приходит в кошмарных снах, застаёт в моменты мимолётной радости. Ей только и радости — травить тебя изнутри. Потому что ты сам себе враг и главный яд — это мысли в голове. Они не дадут тебе жить спокойно, пока не уничтожат всецело. Такова печальная судьба убийцы. Это дорога только в один конец, на которой ты не встретишь добра. Да и слово «дорога» слишком тёплое и родное, оно совсем не подходит. Путь убийцы — это бесконечная лестница вниз. И ты не идёшь по ней, а катишься кубарем, не успевая тормозить. Летишь до тех пор, пока судьба не сжалится над тобой, дав прощение. Но едва ли кто-то его получал. Для этого слишком многое нужно было отдать. Прежде всего отречься от войны, крови, убийств. Сложить меч в ножны и до конца своих дней замаливать грехи. Далеко не каждый смелый воин способен на это. Ведь разрушение и смерть просты, когда как путь

смирения и прощения требует долгого, изнуряюще мучительного труда. И самое страшное, что узнав вердикт, осознав, что прощён, ты тут же потеряешь всё. В то мгновение, как искомая деталь окажется в пазле твоей жизни, существование сразу же прервётся. Ведь только умерев и попросив прощения, убийца может хотя бы попытаться вернуться обратно на светлый путь. Хотя это уже будет где-то там далеко. В реальности же его тело просто останется на земле. Не будет никаких долгих прощаний и церемоний. Все просто забудут о нём. И может кто-нибудь с добрым сердцем скажет «Он пытался быть лучше».

— Кто здесь? — не очень громко произнёс Жак, обнажая меч.

Ответа не последовало.

— Я слышал, что ты здесь. Выходи сам. Иначе будет хуже.

Кусты зашевелились и из них выскочил сгорбленный мужчина. Невысокий и худощавый человек смотрел на Жака глазами осы, желающей тотчас ужалить своего недруга. Его руки тряслись, он был сильно напуган. Одежда его была истыкана дырами, словно причудливый узор. На лице читалось желание тотчас сбежать. Его застали врасплох.

— Назовись.

— Что вам имя простого калеки?

— Думаешь если сгорбился, то тут же сойдёшь за калеку. Не пытайся меня обмануть.

Мужчина перестал изображать убогого. И в самом деле притворился. Хитрый плут, подумал Жак.

— Мондо. Такое у меня имя.

Он не спеша подошёл ближе и трясущимися пальцами потянулся к голове Жака. Ему нужен шлем. Вот оно что!

— Шлем ты не получишь. Но если поможешь найти замок, то дам тебе пару монет, так и быть.

— А сколько стоит твой шлем? Я куплю. Или хочешь поменяться. Всё что хочешь проси. Жак усмехнулся.

— У тебя ничего и нет. Что с тебя взять.

Мондо потянулся в карман. Затем своими почерневшими от копания в земле руками он вынул медальон. Прекрасная вещица сразу заблестела в его руках. От этого света всё вокруг будто померкло. Невиданная красота. Нечто прекрасное в этой серой и однообразной лесной полосе.

— Откуда у тебя это?

— Нашёл.

Мондо провёл рукой по медальону. На нём виднелись капли воды и грязные разводы. Похоже поднял из грязи. Может и правда не врёт.

— Вижу, как ты переменялся. За такую вещь, наверное, стоит отдать мне шлем. Что думаешь?

— Ну что же. Давай меняться. Только шлем снимать будешь сам.

— Только меч опусти.

— Я и не собирался тебя убивать. Громкий звук удара может привлечь лишние голодные рты.

Мондо понимающе кивнул. Затем подошёл к Жаку вплотную. Руки потянулись к шлему, он с усилием потянул вверх. Но ничего не вышло. Шлем остался на том же месте, словно его приклеили.

— Что за?

Жак вдруг залился смехом. Его так давно ничего не веселило, и этот лесной незнакомец смог поднять ему настроение.

— Что ты смеёшься?

Мондо ударил рыцаря локтем по животу, однако тот почти ничего не почувствовал.

— Не думаю, что тебе хватит сил пробить мой доспех.

— Что с твоим шлемом?

— А что? Не хватает сил?

— Ты колдун. Вот ведь как!

Мондо взволнованно поглядел на свои руки, ожидая что через прикосновения получил проклятие или метку тёмных сил.

— Колдун тут и правда замешан. Точнее колдунья. Красивая женщина была.

— И что теперь будешь делать?

— Теперь ты покажешь мне дорогу.

— И получу золотые?

— Получишь, если будешь много болтать. Золотые тоже получишь.

— И всё-таки, сними его. Мне просто любопытно, что с ним такое.

Жак понимающе кивнул и вдруг задумался. А что, если он просто давно не пробовал его снимать? Может чары прошли?

Однако ничего не вышло. Шлем всё также был на его голове, как приклеенный.

— Я бы сам с радостью его снял, но не могу. Только когда последние солнечные лучи дня уходят во тьму, и луна показывает свои округлые формы, я могу его снять. Лишь ночью мне дано наслаждаться полной картиной. Но с рассветом я вновь в его власти.

Мондо искривил рот в натянутой улыбке. Едва ли он проникся историей. Наверняка его распирало от любопытства, можно ли в действительности снять с головы Жака шлем.

— А своё имя ты назовёшь?

— Серая Судьба. Так называют шлем, который ты безуспешно хотел снять.

— Тот самый...

По лицу Мондо пробежали капли пота. Он не ошибся. Эта реликвия и правда у него перед носом.

— А моё имя Жак. Так по крайней мере когда-то меня звали. Но за мной тянется кое-что... Огромный след, который не даёт мне спать по ночам. Моё проклятье, отнимающее веру в себя.

— О тебе много говорят. В этих землях слишком быстро расходятся слухи. Хотя казалось люди так охотно тонут в болотах, что некому их разносить.

Мондо неприятно рассмеялся. Его гнилые зубы дополнили скабрёзный портрет. Это человек, который точно никогда не видел добра. Истерзанные руки, которые то ли свидетельствовали о побоях, то ли о боевом опыте; отчаянные и немного пустые глаза; застывшее навеки глуповатое выражение лица. Он не знал любви, не знал чести и, наверное, даже никогда не думал о чём-то, кроме набивания брюха провизией и карманов золотом. Но Жак ощутил в нём что-то, ещё оставшуюся крупицу человечности. Она была запрятана где-то в глубине, но её ещё можно было достать и явить миру. Было бы только желание.

— Значит, медальон ты нашёл. Но ты и понятия не имеешь чей он, — задумчиво сказал Жак. — Тогда мне нужно найти то место и как можно быстрее. Я хочу увидеть следы.

— Замок недалеко. Путь я покажу. Но не забудь про деньги.

— Будь уверен, я тебе заплачу. Только дай мне напасть на след.

Мондо зашагал вперёд, озираясь. Он ещё немного боялся. Опасался, что меч нового знакомого окажется прямо над его головой. Впрочем, он ему нужен, так что ничего плохого до замка случиться не должно.

Мондо шагал вперёд, чувствуя, как периодически проваливается в грязь. Жак шёл следом, с несколько настороженным видом. Этот юродивый не был лучшей возможной компанией. Однако вдвоём идти было определённо интереснее. Жак уже и не помнил, когда видел живых людей так близко. С тех пор как ступил на болота, вокруг были или опасные твари или безобидные птицы. Люди в этих топях не селились, боясь, что однажды проснутся на дне

болота. Страшные истории о невернувшихся витали в воздухе. Богатые вельможи нанимали крестьян-проводников, чтобы те показывали им путь (что означало — рисковали жизнью за них, показывая, где можно идти, а где нет). Так можно было заработать, однако обогащение вряд ли того стоило. Жак же пошёл сюда сам, понимая, что может и не вернуться. Однако от всех этих людей его отличала одна важная деталь — он совершенно не боялся того, что может двигаться к своей гибели. У него была цель, к которой он шёл, а потому всё остальное терялось во мгле, было не важным. Только бы дойти до того места. Того самого замка, где всё когда-то начиналось.

— И чего ты тут забыл. С твоей силой можно было бы покорить все земли. Сравнять эти топи с землёй. Уничтожить каждую тварь. Убивать это же так просто...

Жак поглядел на своего спутника. Какой глупец. Да что он знает о смерти?

— Видишь этот меч? Он длинный. От него погибли многие. Он рушил жизни, ломал судьбы. Ему это ничего не стоило. Я давал ему это делать.

— О чём же жалеть бывалому воину? Меня даже в пехоту не взяли. Я не вышел ростом, да и сил мне не доставало.

— И чем же ты занялся вместо этого? Воруешь у путников?

— Этим я занялся недавно. Но сначала всё было не так. Мне просто хотелось найти себя. Я водил по болотам вельмож, после того как стало некому служить. Нанимался на грязную работу, чтобы сводить концы с концами. Но потом я понял, что всё это не имело смысла. Все люди вокруг получали что хотели, потому что родились в нужном месте. Мама дала им красивое тело, а папа обеспечил деньгами. Я поклялся, что буду без раздумий убивать каждого высокопоставленного урода, что забредёт сюда. Хозяин Болот — так меня прозвали.

В глазах словно сверкнула молния. Сейчас он выглядел особенно безумно.

— Так ты и есть Хозяин Болот. Это словосочетание мне знакомо.

— И что же обо мне говорят?

— Чего только не болтают. Говорят, что ты не раз заманивал в чащу разных неугодных. А потом их находили по частям или того хуже.

— Бывало и такое. Но сейчас я уже редко этим занимаюсь. Люди перестали сюда ходить, так что приходится туговато. Я даже подумываю уйти с болот.

— От чего же тебе не привести меня в ловушку?

— Я по глазам увидел. Хоть у тебя и шлем на голове. А глаза чётко видны. Они не такие как у этих напыщенных тварей. Я вижу, что ты такой же как я.

— И какой же?

— Ищущий.

— Здесь я даже не буду спорить.

Их разговор прервал шум. Сломанные ветки затрещали у кого-то под ногами. Выходит, они тут точно не одни. Жак попытался вслушаться, понять, чего ожидать от непрошенного гостя. Что-то крупное, зверь или даже хуже. Рыцарь медленно достал свой меч. Ещё немного и он наконец увидит, кто же встал на их пути. Мондо тоже заметно занервничал. Его глаза суетливо забегали. Капли пота покатились по лицу, спадая прямо в болотную жижу. Неприятное липкое ощущение охватывало его как паук.

Мондо обнажил своё небольшое оружие. Это был не очень крупный, но внушительный топорик. Деревянная рукоять изрядно потрёпана, а вот лезвие как следует заточено. Смертоносная вещица в руках умелого человека. Он сжал топор как можно сильнее, боясь выронить из скользких от пота рук. Болото с радостью прибрало бы это оружие себе, поглотив целиком.

Наконец перед ними показался источник шума. Из-за деревьев высунулся крупный шакал. Его шерсть была истыкана пятнами крови, грязными разводами и застрявшими ветками. Глаза светились в темноте, выдавая потустороннюю природу. На свету блеснули клыки, которые наверняка совсем недавно растерзали очередную жертву, которая не смогла сбежать.

Следы крови на морде подтверждали эту очевидную мысль. От него исходил дух смерти. Дыхание этого существа, казалось, проникает в голову, заполняя всё тревогой и отчаянием. В его взгляде не было ничего, что могло бы хоть как-то выдать малейший страх. Он как всесильный дух приближался всё ближе, намереваясь полакомиться новыми жертвами. Они и сами не подозревали, что уже давно идут прямо к нему в лапы. Их бесславный конец был лишь вопросом времени. Шакал всё быстрее двигался навстречу. В его походке чувствовалась уверенность, он знал местность, был её частью — изначально был победителем в схватке, поскольку каждое дерево служило ему союзником.

Шакал совершил прыжок, приземлившись прямо перед Жаком и Мондо. Клыки сверкнули молнией, перед тем как он набросился на них. В ту же секунду Жак отскочил в сторону, прихватив с собой Мондо. Им удалось уклониться, однако они оба отлетели прямо в грязную лужу. Мондо попал лицом прямо в самую гущу и сильно измазался. Жаку повезло чуть больше, доспехи затормозили его, хотя и он испачкался. Шакал быстро осознал, что произошло и решился на повторное нападение. Жак встал и отряхнулся, сжав меч. Зверь полетел на него, сверкая демоническими глазами. Рыцарь терпеливо ждал, подгадывая нужный момент. Существо нацелилось прямо на него. Ещё секунда и оно разорвёт воина на части. Шакал полетел совсем близко, чтобы нанести удар. Жак сделал шаг назад и острое его меча оказалось прямо перед носом шакала. Животное повалилось на землю от неожиданного манёвра. Когда же шакал приподнял голову, то тут же заметил летящее в него лезвие. Меч Белая Игла с огромной скоростью направился ему в шею. Поняв, что не сможет успеть увернуться, шакал схватил меч лапами. По ним тут же заструилась кровь. Капли быстро летели вниз, обагрняя болото. Кто знает, сколько крови поглотили эти топи за долгие годы.

Жак попытался выдернуть меч из лап противника, но тот продолжал изо всех сил давить. Ещё немного и он погнёт оружие. Тогда Жак подгадал момент, чтобы достать свой арбалет. Зарядив его болтом, рыцарь быстро пустил стрелу в левую лапу зверя. Животное взвизгнуло и с жуткой болью отскочило в сторону. Жак мгновенно выхватил свой меч. Теперь ранение шакала давало ему небольшое преимущество.

Увидев, что неподалёку стоит Мондо, животное попыталось ударить его не пострадавшей лапой. Вёрткий прыгуна ускользнул от него, однако отделался царапиной. Правда всё оказалось не так просто, уже через несколько секунд шакал резко развернулся, застав Хозяина Болот врасплох. И кто тут действительно может называться этим громким титулом? Мондо со всей силы швырнул топор в зверя. Он надеялся, что это по крайней мере даст ему время убежать. Мондо бросил взгляд на Жака. Оставалось надеяться только на него.

Зверь получил ещё одну небольшую рану от удара топором, однако почти никак не замедлился. Кровь продолжала литься из лапы, но существо было не остановить. Жак вновь дождался момента, когда животное решит прыгнуть на него. Однако теперь встал прямо на место предполагаемого приземления. Шакал сделал задуманное, обрызгав шлем Жака кровью. И тут же из его второй раны захлестала новая кровь — Жак проткнул вторую лапу зверя. Теперь шакал был уже совсем не таким грозным. Он пополз в сторону болота. Его тело уже не выглядело столь сильным и массивным. Раненная собака подбиралась к трясине.

— Не дай ему сунуть лапы в болото! — закричал Мондо.

Жак тут же послушал своего спутника, ещё не понимая о чём идёт речь. Меч его мгновенно отрезал животному путь. Однако шакал не собирался останавливаться и используя задние лапы отшвырнул оружие. Затем отчаянным рывком подлетел к начинающемуся островку болота. Жак подбежал совсем близко, однако животное оттолкнуло его. Шакал опустил лапы в болото. И тут же рыцарь увидел то, чего так боялся его новый друг. Болотная жидкость мгновенно заструилась по лапам раненого зверя. Будто волшебная мазь, она стала заполнять каждый сантиметр его лап. И там, где капли засыхали, тут же образовывалась новая мышечная

ткань. Его раны стремительно затягивались, покрываясь новым слоем кожи и шерсти. Регенерация происходила благодаря той самой жидкости в болоте.

Жак понял, что теперь вся битва начнётся заново. Однако никакого выбора перед ним не стояло. Мондо подбежал поближе, найдя наконец своё оружие.

— Давай попробуем с двух сторон. Бей его справа, а я буду слева. Только крепко держи топор.

Хозяин Болот кивнул и послушался, подойдя ещё ближе.

Жак размахнулся и провёл мечом снизу вверх, рисуя полукруг в воздухе. Этот удар заставил шакала пошатнуться. В это время Мондо нанёс удар справа. Не самый сильный, но достаточный, чтобы заставить зверя нервно дёрнуться. Это и было нужно Жаку, который воспользовался моментом, чтобы ударить шакала второй раз. Силы уже покидали рыцаря, однако он понимал, что за любой шанс нужно хвататься. Шакал попытался сделать прыжок, однако ударился головой о лезвие меча. Струйка крови брызнула на гладь металла. Пойдёт ли он вновь восстанавливать силы в болоте? Или такая мелкая царапина его не испугает? Ответ Жак получил через секунду, когда задние лапы чудовища устремились прямо в него. Длинные когти могли по размеру сравниться с небольшими ножами. Острые и очень опасные, они способны были мгновенно пробить кожу человека насквозь.

Жак понял, что ему срочно нужно что-то небольшое, враг уже слишком близко и длинным мечом орудовать бесполезно. Тогда рыцарь потянулся в сумку, где лежали арбалетные болты. Выхватив сразу три штуки, Жак со всей силы воткнул их в голову чудовища. Шакал взревел. Сейчас он по-настоящему ощутил боль, всё что тот издавал до этого, не могло сравниться с ужасающим воплем. Казалось, что от пронзительного звука всё вокруг затихло. Птицы перестали шуметь, а разные грызуны затаились в норах, в ожидании исхода этого страшного боя. Жак сделал усилие, чтобы вытащить болты, затем откинул зверя ногами в сторону и воткнул их снова, теперь уже в шею зверя. Стало очевидно, что чудовище повержено. Глаза шакала заполнились кровью, она потекла вниз по его телу. Шерсть мгновенно окрасилась. Шакал ещё пытался дёргаться, надеясь совершить последнюю атаку. Однако силы покидали его, а конечности переставали слушаться. Мондо подошёл поближе, убедившись, что зверь уже не сможет напасть.

II

— Это не просто шакал.

Жак вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Таких мы зовём ренуарами. Они крупнее других. Вожаки стаи.

— А что за слово такое «ренуары»?

— Был один охотник, который впервые их обнаружил. Станный был малый. Водил с волками дружбу, постоянно пропадал в лесах. Болтал с ними. Любил природу, что называется.

— И что же с ним стало?

— Говорят, что шакалы-то его и загрызли.

Жак поглядел на испутившее дух чудовище. Теперь оно величественно распласталось на поляне. Можно было разглядеть его огромную пасть, с впечатляющими клыками. Жак со всей силы разжал челюсти зверя, чтобы заглянуть внутрь.

— Я раньше не встречал таких тварей. С виду обычный шакал, но сильно крупнее. Значит их зовут ренуарами, понятно.

— Раньше их не было. Но потом люди стали замечать странное. Болото стало оживать, подавало жуткие сигналы. Выло и будто звало. В этих топях поселилось что-то зловещее. То, что нам неизвестно..

— Похоже эта сила подпитывала шакала. Он подбегал к болоту восстанавливать здоровье.

— Да, судя по всему, болото сделало его таким сильным. Раньше я легко мог отбиться от целой стаи, но в последние месяцы стало особенно тяжело.

— Этот зверь застал меня врасплох. Ещё немного и стал бы частью болота.

— Болото само решит, когда тебя забрать, — усмехнулся Мондо.

Жак таки смог заглянуть в пасть чудовища. Его удивило то, что он увидел несколько рядов зубов. Таких явно не бывает у обычных шакалов. Мутация, причём очень серьёзная. Похоже эта болотная дрянь действительно опасна.

— Пока болото тебя хранит, — заключил Мондо. — Может ты нужен для чего-то большего. Может проверяет тебя на прочность.

Жак схватился за один из клыков и потянул. Пришлось долго раскачивать его, чтобы наконец выдрать. Вдруг он заметил странность — на всех клыках был странный зеленоватый налёт. Неужели эта неприятная жидкость всё ещё внутри животного. Жак просунул руку глубже в глотку существа и почувствовал, как она соприкоснулась с чем-то неприятным и мерзким. Когда он вынул руку, то заметил на ней следы необычной слизи. Мерзкая зелёная жижа тотчас обожгла его. Жак отшатнулся в сторону, стараясь как можно скорее сбросить с себя остатки неприятной субстанции.

— Лучше держаться от этой жидкости подальше. Для нас она как лава, обжигает в ту же секунду. А вот для них она не опасна.

Жак не унимался. Любопытство овладевало им с каждой секундой всё сильнее. Он поднял меч и со всей силы разрубил животное. Из тела тут же потекли струи такой же зелёной жидкости. Всё тело шакала было пропитано этой отвратительной субстанцией.

— Оно поглотило его изнутри, — заключил рыцарь.

— Или оживило...

Жак понял, что слова его спутника как никогда близки к истине. Сила болота не просто поддерживала шакала в бою, она и была им — впиталась в него, словно мазь. Значит раньше это существо ничем не отличалось от обычного животного. Но после смерти ожило вновь, обретая невиданные доселе силы. Субстанция поглотила животное и провернуло через свою невиди-

мую мясорубку. После этого тело шакала уже не принадлежало ему, став пустой марионеткой в руках болотных сил. Жак забрал себе клык животного.

— Топи страшное место. Ренуары это лишь часть всего того ужаса, что здесь скрывается.

— Обратно я уже не пойду.

— Я вижу. Ты полон желания умереть в битве, но это случится не сегодня.

— Как далеко ещё до места, где ты нашёл медальон?

— Уже совсем немного. Думаю, несколько часов пути.

— Надеюсь по дороге мы не встретим ещё одного шакала.

— Теперь ты знаешь, что с ними делать.

Мондо хотел дотронуться до меча Жака, но тот тут же его одёрнул.

— Не трогай! Эта сталь соткана из боли, из страданий, которые тебе и не снились. Лучше не трогай этот меч. Он обрёл меня на вечные муки, а это всё что у меня есть...

Хозяин Болот кивнул. Даже в его мелочной душонке было что-то хорошее, какое-то правильное зерно, которое не давало ему перейти черту окончательно. В глубине души он не хотел для себя такой жизни, но оказался уже слишком далеко от того момента, когда что-то можно было поменять.

— Расскажи мне об этом мече.

— Ладно, но только не будем медлить. Не хочу оставаться здесь и привлекать внимание лишних глаз. Мало ли сколько ещё ренуаров затаилось поблизости.

— Постой, нужно разделать этого шакала на мясо.

Жак вдруг понял, что давно не ел ничего кроме корней, а потому даже не подумал о такой очевидной вещи.

— Не боишься есть такое? Вся эта мерзкая жижа на его шерсти.

— Я ел вещи и похуже, — усмехнулся Мондо. — Огонь всё делает съедобным.

Путники принялись разделывать тушу. Жак смотрел на этот процесс с неким недоверием, когда как Мондо с довольным видом принялся за дело. Его топор отлично подошёл в качестве разделочного инструмента. Шакала поделили на несколько частей. Затем Хозяин Болот принялся счищать топором шерсть. Он нетерпеливо срезал ненужное, скорее пытаясь добраться до лакомого куса. В этой гонке Мондо и сам напоминал зверя, только поменьше ростом. Когда они попытались сложить всё в сумки, стало понятно, что забрать каждую часть не удастся. Им пришлось оставить самые тяжёлые куски, взяв только те, что могли поместиться. Нагруженные до отказа, путники отправились в путь. Несмотря на тяжесть, они шли быстро.

Жак глядел на очередные каскады деревьев. Они что-то пытались ему сказать через дуновения ветра. Но вряд ли бы он когда-нибудь смог разобрать их послания. На лес опустилась совсем уже непроглядная ночь. Путники устали и решили сделать привал. У одного из деревьев Жак кинул свою сумку. Затем он лёг рядом, положив на неё голову. Импровизированная подушка дала ему небольшое ощущение комфорта. Мондо зажёл рядом с ним костёр, а затем поступил так же, как рыцарь. Пока костёр разгорался, Хозяин Болот поглядывал на звёздное небо. В его взгляде угадывалось что-то такое печальное, настоящее. Затем он встал и достав небольшой котелок принялся за готовку. Нарезав мясо, он не слишком аккуратно швырнул его на дно. Затем сорвал поблизости пару пучков травы и бросил туда же. Они должны были придать какой-то более благородный аромат будущему походному блюду. Жак с интересом следил за этими приготовлениями. Несколько кусочков мяса вылетели из котелка и Мондо судорожно принялся собирать их с земли.

— Эти куски ты будешь есть сам, — усмехнулся Жак.

Запах у еды был не слишком выразительный, однако от голода у обоих путников уже начинало сводить живот. Так что любая хоть немного съедобная единица была кстати. Мондо суетливо помешивал жарящееся мясо. Ему не терпелось запихать несколько кусков в рот, чтобы унять нестерпимую боль в желудке. Жак же просто продолжал ждать, немного пригля-

дывая за их лагерь. Он понимал, что одному из них придётся быть на страже всю ночь, чтобы приглядывать за лагерь. Жак верил своему новому другу, однако побаивался доверить жизнь в первую же ночь, так что уже точно решил, что сам будет дежурить.

Пока Мондо продолжал возиться с готовкой, Жак задумал пройтись. Он ждал этого момента, самой значимой части дня, когда последние лучи терялись в закатном зареве. Жак брёл за этими убегающими фрагментами света. Они стремительно отдалялись, предвещая перемены на небе. Лёгкий ветер поднялся над лесом. Прохладное дуновение подарило рыцарю приятное ощущение. Снова что-то живое и настоящее. Будто все эти кошмарные месяцы и годы никогда не случались. Жак вздохнул, жаркий доспех порядком его утомил, однако разгуливать без него в таком месте было настоящим самоубийством.

Рыцарь приметил в чаще огромный камень. На нём были нацарапаны буквы. Чтобы прочесть их понадобилось несколько секунд. Кривые линии выводились в слова. Жак прочёл «Вальтер Лантруш». Могила. Наверное ему бы стоило ужаснуться, но вместо этого он долго вглядывался в очертания камня.

— Какая горькая ирония, — произнёс он вслух.

Вокруг камня было много травы, она уже всю подбиралась к могиле. Жак схватил несколько растений под корень и выдернул. А те, что были слишком глубоко, подрубил как можно сильнее. Так эта земля вновь стала похожа на место захоронения. Жак присел к могиле и медленно склонил голову. От усталости глаза сами закрылись и он мгновенно погрузился в сонное царство. Руки и ноги ослабли, он распластался по земле.

Через несколько минут его безмятежный сон нарушил Мондо, который показался из-за дерева. Хозяин Болот искал своего друга, что уже долго не возвращался в лагерь. В таких условиях ведь не размениваются товарищами. Он увидел, что рыцарь разлёгся у камня-могилы. Мондо помчался к нему со всех ног. Там в лагере остались их припасы и костёр. Однако он оставил всё, чтобы догнать своего нового компаньона и узнать что случилось.

Подбежав к Жаку, Мондо заметил разительную перемену. В свете полной луны, в окружении гигантских дубов, он наконец мог лицезреть лицо Жака, ведь наступила ночь и тот смог снять шлем.

III

Мондо с большим удивлением разглядывал лицо этого человека. Перед ним предстал умудрённый опытом воин. Его светлые волосы тянулись до плеч. Локоны несмотря на долгий путь выглядели ухоженно, будто он накануне принимал душ. Однако взгляд этого человека казался ему пугающим. Тяжёлый и между тем какой-то пустой взор, которым он охватывал всё вокруг, дополнял и без того противоречивую картину. Хозяин Болот на его фоне выглядел в лучшем случае как оруженосец.

— Так вот что у тебя за лицо! Я уж было думал никогда его не увижу. Значит ты не врал про то, что не можешь снять шлем.

— Я никогда не вру. Слишком мало людей, с которыми я могу поговорить. Врать — значит лишиться общения и с теми, кто есть.

Мондо кивнул, его распирало от любопытства. В их разговорах теперь появилась новая тема. И его величество Хозяин Болот как заведённый начал сыпать вопросами.

— Как же ты целыми днями таскаешь на себе эту громадину? — поинтересовался он.

— Это не самое тяжёлое, что мне приходится нести. Шлем — проклятие, которое тянется за мной по пятам.

— Может быть его можно снять обратным способом от того, каким его заколдовали?

— Довольно уже колдовства. Магические силы итак потрепали мне всю жизнь. Я утомился. Долго ли нам ещё идти?

Жак подумал о том, что мог бы идти и ночью. Ему было всё равно на усталость и боль. Он шёл к той цели, что всё ещё поддерживала внутри него остатки желания существовать.

— Ночью идти очень опасно. Ты ведь даже заснул у этой могилы.

— Это не просто могила.

— Могила как могила. Чего в ней такого? Все там будем...

Мондо едва успел договорить — в этот миг Жак схватил его за рукав. В глазах Жака блеснул огонь. Но это была не ярость, а какая-то почти детская обида.

— Это не просто камень. В этой могиле живёт память о человеке. Об очень хорошем человеке.

— Да чего ты так завёлся? Ну я понял, что он был тебе близок. Отпусти уже меня! Больно.

— Если бы ты только знал его. Ты бы с таким безразличием не говорил. Вальтер — не просто какой-то серый призрак. Он человек. И он больше человек чем я, чем ты, чем все эти существа, что зовутся людскими именами. Все они недостойны его смерти.

— Так значит он был твоим другом?

— Он был другом всем людям. К каждому был добр. Всякому мог протянуть руку помощи. Таких людей на земле остаётся всё меньше.

— Вижу что тебя очень задела весть о его гибели. Мне не очень знакомо это чувство. Я давно никого не называл другом. На моём пути появился ты. И я очень рад, что иду по этим болотам не один.

— Что ж. Хоть мне и трудно это признать, но и мне так спокойнее.

— Иногда засыпая я боюсь, что не проснусь. Глупое чувство, хотя в этих лесах нельзя быть ни в чём уверенным.

— Это мне знакомо. Однако, признаться честно, когда-то это было лишь глупым страхом, который возникал из пустоты. Рядом со мной были те, кто помогал отогнать это. Мои близкие, мои соратники. Все они словно не давали мне сорваться вниз, охраняли от того, чтобы я угодил в пропасть. Но теперь их нет. Ничего нет.

— Всегда что-то есть. Хорошее или плохое. Оно всегда будет. Если бы только знать, что там за поворотом. Хотя бы ненадолго приподнять завесу тайны.

— Тогда ты вряд ли захочешь там поворачивать, — с печальной улыбкой заметил Жак.

Его охватило чудовищное чувство. Словно изнутри Жака разъедало желание уничтожить всё вокруг. Он чувствовал вину перед Мондо. Неказистым, но добрым в душе.

— Прости, что схватил за рукав, — виновато произнёс Жак.

— Да чего там! Я и не к такому привык. Извинения себя оставь. Толку-то от них. Вот бы люди научились просто не делать глупостей. Тогда и просить прощения бы не приходилось.

Жак мысленно согласился с ним. Эти небольшие беседы заполняли ту брешь, что зияла внутри него. Нужно было ещё столько всего сделать, но его разум едва ли понимал зачем и почему. Он просто плыл, изредка выныривая чтобы получить драгоценный кислород. И дальше он вновь продолжит как безликая сущность плестись по лесной тропе в компании странноватого человека.

— Ладно, пошли дальше, раз уже половина ночи прошла. Я всё равно не усну.

Жак кивнул и они отправились в путь. К утру шлем снова был на его голове, как напоминание о вечном проклятье.

ОРДЕН ТЕНЕЙ

I

За годы до этого

Мальчик смотрел на полоску горизонта. Первые лучи начинали проглядывать сквозь остатки темноты. Ребёнок с упоением наблюдал, как гривы небесных лошадей загорались яркими цветами. Их прекрасное колыхание по-настоящему завораживало. В них мальчик видел что-то очень тёплое, узнавал знакомые черты — ему рисовались древние герои из легенд и историй, рассказанных мамой. Он мог слушать их часами, забывая о всяком сне. Вокруг было множество интересных вещей, выходи во двор и любое развлечение на твой вкус. Однако он не очень-то увлекался играми. Его не слишком привлекали догонялки или беготня по крышам. Всё чаще и чаще он находил для себя интересным взрослое занятие — искусство боя. Каждый раз, когда мимо скакали статные воины, будь то городская стража или простые наёмники, мальчик с упоением припадал к окну. А если успевал, то выбегал во двор, чтобы поглядеть. Ему нравилось всё: их тяжёлые, но блестящие на солнце доспехи, гигантские мечи и виртуозные алебарды, которыми они с грацией рубили с плеча. Он хотел стать таким же большим и величественным, носить собственный меч и быть тем, на кого обращают внимание. А ещё он страшно любил лошадей и пока мама не видела, частенько мастерил из подручных средств седло, а затем седлал старого коня, который жил у них в стойле. И как объяснить матери, что всё это часть твоей мечты? Она часто ругала его за беспечность, однако никогда не хотела ничего плохого. Просто игра и впрямь была опасная. Не раз она рассказывала ему про инцидент в Ла Плате, когда крестьянин погиб под копытами собственного коня. Но что такое опасность, когда тебе всего семь лет. Пожалуй это лишь подстёгивало мальчика к приключениям, к поиску нового выхода из этой невидимой темницы.

Их дом был не очень большим. Внутри всего четыре узких комнаты, каждая из которых уже с трудом вмещала всё необходимое для жизни. Сельскохозяйственные инструменты и даже небольшая коза Клара ютилась в маленькой комнате, где стояла кровать и небольшой стол. На конюшне же жил старый конь Бернард, две коровы Лаплата и Фрея, а также десяток безымянных кур. Их отделяли деревянные перегородки, надёжно вбитые главой семейства. Общую картину дополняли птицы, вившие на крыше гнёзда. Мальчик часто их кормил, отдавая найденных жуков и другую мелкую живность. Со временем гости так прижились, что стали плодиться и в какой-то момент одного гнезда стало недостаточно. Их щебетание подбадривало тридцатилетнюю Франческу и её семилетнего сына Оливера, когда те приходили ухаживать за животными. Тяжёлая и порой даже изнурительная ежедневная работа. Уборка, доение коров, чистка сена — каждый этап занимал немало времени, превращая небольшую конюшню в целое предприятие, которое должно было обеспечивать постоянную выработку. Коня использовали на пашне, поскольку для езды Бернард уже был староват. Однако тащить за собой плуг он был в состоянии. Коров доили каждый день, не давая молоку застояться. Из него потом получались сыр и масло, которыми впрок запасались на зиму. Куры давали яйца и иногда шли на мясо, что позволяло прокормить семью свежими продуктами. До зимы нужно было накопить как можно больше запасов, чтобы не голодать. Зимы в этих местах — по суровости могли дать фору любой холодной стране. Многие их не переживали, погибая от голода и обморожения. Несмотря на трудности, семья жила неплохо. Франческа часто плакала, пока сын не видел, но никогда не показывала и грамма сожаления при ребёнке. Он должен быть счастлив, пусть растёт не ведая горя и проблем. Оливер и правда жил в неведении, до него редко доходили взрослые разго-

воры. Да и те что доходили — мало интересовали его детский ум, только если не касались военных подвигов. Про битвы и сражения он с радостью мог слушать часами напролёт.

Светлые волосы мальчика колыхались на ветру, они выросли уже до плеч и не думали останавливаться на этом. Мать любила их ему расчёсывать, отмечая непослушность локонов. Она гладила ребёнка по голове и что-нибудь рассказывала. У неё всегда было в запасе несколько отличных историй. Её голос успокаивал сына, словно накрывал невидимым одеялом, погружал в приятное ощущение тепла и комфорта. В уютном бархате материнских слов легко было затеряться навсегда. Мама бесконечно вела его куда-то за руку. Оливер мысленно уходил всё дальше от дома, покидая привычные виды, и оказывался в новых мирах, которые рисовались перед ним за секунды. И тут же видоизменялись силами его воображения. Из этого мира не хотелось уходить. Поэтому мальчик много времени проводил рядом с матерью. Даже когда она сердилась, он в глубине души понимал, что возможно сам виноват в этом. А может у мамы просто такой тоскливый день?

Ребёнок набрал из колодца воды, чтобы напоить животных. Он быстрым шагом направился к стойлу, чтобы совершить привычный ритуал. Когда Оливер открыл двери, ему в ноздри тут же ударил сильный животный запах. Здесь всегда пахло по-особому. Такое скопление живых существ непременно будет напоминать о себе. Но мальчик уже привык и старался не обращать внимание. Он знал, что делает важное дело для семьи и поэтому стойко переносил все испытания. Напоив Бернарда, мальчик провёл рукой по его гриве. Престарелый конь негромко ответил ему непродолжительным ржанием. Обычно так он выражал большую часть эмоций. Что-то вроде звука одобрения, если переводить на человеческий. Животное, несмотря на возраст, сохраняло трезвый ум. Бернард никогда не кидался на своих хозяев, не ломал ограду и не уходил далеко от пастбища. Конь словно был дедушкой для Оливера. С ним ребёнок проводил немало времени. Их забавная дружба всегда заставляла Франческа улыбаться. Детей в округе было мало, так что друг-конь не самая плохая идея. К тому же старина Бернард уже давно болел и возможно время, проведённое с ребёнком, немного помогало тому меньше испытывать тревогу.

В очередной раз они сидели в стойле и обменивались взглядами. Мальчик рассказывал коню последние новости, а тот периодически важно тряс гривой — давая понять, что очень заинтересован. Однако в один момент Бернард вдруг начал истерично ржать. Его что-то резко напугало. Мальчик взволнованно стал осматривать сено, которое было расстелено на полу. Он искал змею или лягушку, однако ничего не увидел. Может животному просто показалось? Оливер походил по стойлу в поисках возможного ответа. На старых балках пола были разные вмятины и дыры, он надеялся найти в них ужа или что-то, что могло так напугать старого коня. Не мог же он просто так заголосить?

Мальчик обошёл всё, однако так ничего и не обнаружил. Странно. Он открыл ворота, чтобы конь мог выйти и осмотреться. Бернард быстро понял, что от него требуется. Конь спешно выбежал из стойла и побрёл куда-то в сторону полей. Мальчику ничего не оставалось кроме как бежать за ним, прихватив с собой кусок ткани. Когда же конь остановился, ребёнок накинул на него импровизированное тряпочное седло. Затем Оливер вскочил на животное, тут же ощутив как неудобно сидеть верхом. Настоящее испытание для ног и спины. Седло мало помогало ему чувствовать себя лучше. Так они помчались куда-то вдаль. Мальчик надеялся, что их путь ведёт к небольшому приключению.

— Оли! Где ты? — взволнованно закричала Франческа, заметив что ворота стойла открыты, а сына нет внутри.

Ещё и Бернард не в загоне. Значит сын уехал верхом. Но она же строго-настрого просила этого не делать. Непослушный ребёнок!

Женщина чуть поправила подол своего платья. Ей было ужасно жарко и она бы всё отдала, чтобы переодеться. Но времени возвращаться в дом нет, нужно скорее бежать на

поиски сына — пока он не натворил ничего. Франческа подошла к деревянному ведру, которое стояло у колодца. Чуть ополоснув лицо после трудового дня, женщина помчалась в поля. Скорее, пока следы коня и мальчика не затерялись в густой траве.

— Бернард, что ты нашёл? — с надеждой спросил Оливер.

Конь продолжал куда-то плестись, словно пытаясь сказать что они «ещё не пришли». Бескрайнее поле завораживало своими красотоми. Тысячи колосков пшеницы стояли словно отряд воинов, получивших приказ охранять территорию. Эти светлые, как солнце, защитники поля походили на настоящую армию. Оливер представил, как отдаёт им честь, проезжая рядом, словно командир войска. И колосья, двигавшиеся от небольших дуновений ветра, как бы кивал ему в знак приветствия.

Рядом уже виднелся лес. Величавые кроны деревьев, как башни замка, охраняли проход от непрошенных гостей. Зелёные вершины соединялись в одну длинную линию, которая будто тянулась в небеса. Мальчик заметил, как в чаще леса что-то зашевелилось. Это точно животное, судя по тому какой сильный шум исходил от ломающихся ветвей. Что-то большое пробиралось сквозь чащу. Оливер знал про диких кабанов и оленей, которые часто здесь бродили. Несмотря на большие размеры, эти звери его не пугали, а скорее привлекали интерес. Маленький исследователь представлял, как может нагнать зверя и посоревноваться с ним в скорости.

Наконец из чащи появилось животное — гигантский олень (и он был таковым не только в глазах семилетнего). Огромные величавые рога рассекали пространство. Оливер видел, как такие же трофеи висели на стене в лавке, куда они заходили с матерью. Там помимо охотничьих товаров всегда можно было прикупить что-то съестное. Иногда, когда удавалось скопить немного денег, Франческа с сыном приходила туда, чтобы купить что-нибудь вкусное. Чтобы оплатить это, предварительно приходилось немало времени просидеть на рынке, продавая селянам молоко, сыр и яйца. В один из таких походов в лавку, Оливер присмотрел себе небольшой кинжал, который лежал без дела за пределами прилавка. Мальчику очень понравился этот небольшой меч, который словно был создан для него. Не иначе чтобы он в свои годы мог почувствовать себя настоящим рыцарем. Франческа намеревалась купить муки на оставшиеся монеты, однако увидев, как сыну понравился лежавший без дела кинжал, предложила выкупить оружие у лавочника. Хозяин магазина почесал в затылке и затем отдал вещьцу Оливеру. Денег за него он не взял. Ребёнок ещё долго помнил об этом удивительном моменте. Наверное тогда он узнал, что люди вокруг, даже далеко за пределами их крестьянского хозяйства, могут быть хорошими. Могут просто отдать что-то бесплатно, потому что в душе их живёт добро.

Тем временем рогатый хозяин леса двигался прямо к мальчику. Ребёнок ощущал сильное волнение. Что животное предпримет? Нападёт? Вроде бы мама говорила, что олени безобидные. Может он просто подойдёт поздороваться с Бернардом, в качестве дани уважения копытному сородичу? Мальчик с интересом ждал этой встречи. Однако конь не разделял его воодушевления. Чем ближе олень подходил к ним, тем сильнее Бернард начинал нервно крутить головой. Он явно был не рад. Кажется чувствовал беду. Оливер взглянул на оленя, который находился уже совсем близко. Глаза животного выражали странное, почти безразличное спокойствие. На секунду Оли даже показалось, что в них мелькали неестественные огоньки. Зелёный цвет глаз почему-то навевал тревогу.

Когда олень был уже совсем близко, мальчик разглядел на теле животного небольшие пятна. Тоже зелёные. Эти кляксы совсем не походили на привычный окрас оленя. Может он болен? Может пришёл за помощью? Ребёнок дал команду Бернарду отойти в сторону, желая понаблюдать что же будет дальше. Однако животное подошло почти вплотную к мальчику и коню. Тогда Оливер смог как следует рассмотреть те самые пятна. Они напоминали болотную тину или мазь из трав (которую мама втирала в разбитые коленки мальчика). Оли решил спешиться, чтобы получше разглядеть оленя. Мальчик слез с коня, тот по-прежнему продол-

жал взволнованно трести головой и гривой. Оливер рискнул дотронуться до рогатого лесного существа. Приятная кожа, напомнившая ему прикосновения к Лаплате и Фрее. Он мог сравнить оленя разве что с коровами из стойла. Ему очень хотелось коснуться пятен, узнать что же это за отметины.

Мальчик дотронулся до одного из них, зияющего на шее. Тут же он почувствовал, что обжёг руку. Зелёная субстанция оказалась на редкость опасной, да ещё и неприятной на ощупь. Животное отреагировало на это запрокинув шею. Оно пыталось что-то сказать. Олень завопил так, словно угодил в капкан посреди леса. Страшные звуки боли живого существа. Сердце Оливера сжалось. Он ещё помнил, как умирала корова, запутавшаяся в ветвях дерева и сломавшая ноги недалеко от их селения. Это были жуткие минуты созерцания гибели.

Мальчик попытался погладить оленя, чтобы успокоить. Обычно такая процедура помогала утихомирить Бернарда. Да и на остальных животных неплохо действовала. Он провёл по коже животного рукой, там где не было пятен. Однако олень начал суетиться и машинально дёрнулся, оттолкнув мальчика в траву. Оливер ощутил как падает, однако мягкий зелёный настил смягчил боль. Олень начал вертеть головой, словно старался от чего-то избавиться. Его пятна вдруг начали шевелиться, как живые. Оливер вздрогнул, о таком он слышал разве что в сказках матери. Как же в эту секунду мальчик пожалел о том, что не послушал её. А ведь до этого поля ещё столько идти. Мать ведь наверняка уже обыскалась его. К горлу подступала слёзная горечь. Только бы она нашла его. Только бы следы на поле были ещё различимы!

Ребёнок встал и осмотрел себя. Никаких серьёзных ран. Это очень хорошо. Теперь пора возвращаться из этого приключения, которое начало превращаться в настоящий кошмар.

Животное стало свирепеть. Глаза оленя наполнились каким-то нездоровым блеском. «Он точно болен» — заключил про себя мальчик. Олень начал странно корчиться. Его тело сгибалось и разгибалось, как пульсирующий орган. Оливер представил себе, как это странное существо разрывается, разлетаясь на сотни ядовитых частей. Он дал команду Бернарду. Конь тут же покорно подбежал к нему. Однако Оливер не успел оседлать его. Олень оттолкнул коня. Теперь это же был не просто рогатый хищник, а в два раза увеличившееся существо. Мутант, которого распирало от странной внутренней силы. Его раны теперь стали ещё больше, напоминая такие большие неаккуратные пятна.

Бернард отлетел в сторону и упал на бок. Он жалобно вопил, чувствуя что хозяин в беде. Конь не мог помочь ему и будто винил себя за это. Бернард кажется сломал себе что-то во время падения — Оливер сразу приметил неладное. Мальчик знал, что может попытаться убежать, но оставлять друга здесь, рядом с этим чудовищем... он бы никогда себе этого не простил.

Мальчик подбежал к коню и попытался поднять. Но всё без толку. Вес большого животного против тридцати килограммового ребёнка. Оливер ощутил как приходит отчаяние. Он хотел что-то сделать, но не мог. Его друг в опасности, но всё что он может сделать будет тщетным. Оливер достал свой кинжал. Он в панике вцепился в это маленькое оружие. Вложил в него всю свою силу и принялся махать. Он не хотел ранить животное, а лишь пытался отогнать. Убийство не было его целью, он любил жизнь и ценил её. Однако мутировавший олень едва ли замечал эти резавшие воздух удары. Они мелькали перед ним, будто мелкие насекомые. Мальчик продолжал махать кинжалом, он верил в его силу.

Олень начал ответно махать рогами. От первого же удара ребёнок отлетел в сторону, приземлившись рядом с раненым конём. Оливер ненадолго успокоился, почуяв рядом знакомое тепло скакуна. Тот продолжал пытаться встать, однако левая нога не разгибалась. Вывих или даже перелом. Оливер видел это на картинках в книгах, а ещё знал как больно вправляют такие травмы не только животным, но и людям.

Вдалеке появился силуэт. Это был величавый рыцарь, в полном облачении. Его броня сверкала на солнце, переливалась разными оттенками серебра. Он стремительно скакал на своём коне. От его приближения всё вокруг будто ненадолго замерло. Воин стремительно скакал к

поляне, где развернулась битва Оливера с чудовищным существом из лесов. Рыцарь сжимал поводья как мог сильно, чтобы ускорить бег коня. Животное послушно ускорялось, несмотря на все тяготы. Капли пота стекали по тёмно-коричневой гриве. На седло крепился арбалет, увеличенного размера, которые чаще используют на охоте, нежели в бою. Несколько болтов было прикреплено ниже. Особенно выделялся его шлем. Величественный цилиндрический головной убор тевтонского типа выдавал в нём человека, который побывал в крестовом походе. Воин пересёк последние рубежи леса перед той самой поляной. Оценив ситуацию, рыцарь направился в сторону оленя. Издалека он казался вполне обычным, разве чуть крупнее среднего. И лишь приблизившись достаточно близко рыцарь понял, что перед ним не просто животное, а нечто более зловещее. Большие странные пятна, нездоровый взгляд и неприятный запах гниения. Всё это выдавало неорганическую природу оленя.

Рыцарь бросил взгляд на коня, рядом с которым лежал ребёнок. В его голове промелькнула мысль о том, что он знает это животное. И этот мальчик. Неужели...?

Олень тем временем услышал приближающегося воина и топот его коня. Животное занервничало, разрываясь между двумя целями. Однако быстро оценив, что новый враг опаснее, олень всё же предпочёл сначала расправиться с ним.

Рыцарь потянулся за арбалетом, мгновенно установил в него болт и прицелился. Его конь однако встал на дыбы, почувствовав исходящую от оленя опасность. Воину пришлось целиться на ходу. Он наметил цель около одного из пятен на шее животного. Он надеялся, что так сможет быстро его обезвредить. Выстрел прошёл близко к цели, однако чуть отклонился вниз.

Оливер понял, что сейчас хороший момент, чтобы вновь попытаться поднять на ноги коня. Он посмотрел на согнутое колено Бернарда. Дождавшись пока тот поставит лапу на нужное место, мальчик принялся аккуратно разгибать мышцу. Он надеялся, что конь инстинктивно поймёт, что тот пытается сделать.

Мальчик упорно продолжал надавливать. Бернард не понимал что происходит. Он был в замешательстве, не считывая этого необычное послание от хозяина. Оливер всё же заплакал. Слёзы потекли по его щекам, попадая на руки, на траву и на его раненого друга. Мальчик ненавидел себя за эту слабость. Он не хотел сдаваться, но все его попытки оказывались тщетными. Вот бы только иметь чуть больше силы. Быть взрослее.

Олень скинул рыцаря с коня. В его шее уже торчал арбалетный болт, однако силы в нём словно и не убавилось. Из пятен продолжала капать неприятная зелёная жидкость. Она падала на траву и прожигала её. Одна из капель обожгла часть доспеха. Пострадали края налокотников. Они покрылись чёрными следами. Воин смог удержать в руках арбалет, однако болты остались в седле. Он взял арбалет как топор и несколько раз ударил оленя им, пытаясь выиграть немного времени. Рыцарь бросил взгляд на коня и мальчика. Увидел, что ребёнок пытается помочь лошади встать. Воин воспользовался моментом и побежал к мальчику, пока олень начал разворачиваться.

Рыцарь подбежал к Бернарду и Оливеру. От усталости мальчик едва стоял на ногах. Однако даже с огромным гроздьями пота на лбу он продолжал стойко пытаться помочь другу. Воин дал ему понять, что нужно отпустить ногу животного. Когда Оливер сделал это, рыцарь изо всех сил схватил коня за ногу. Мальчик чуть отошёл, чтобы не мешать. Наконец воин выпрямил согнутую конечность животного. Можно было только догадываться как жарко человеку в доспехе было в тот момент. Конь наконец встал, теперь он хромал, но по крайней мере стоял на ногах — значит мог не спеша везти ребёнка прочь отсюда. Рыцарь буквально тут же подхватил мальчика на руки и усадил верхом. Он знал, что дальше юный воин точно справится сам. Бернард потащил вперёд. Сейчас ему не нужно было никаких команд, он чётко знал, что надо как можно быстрее доставить хозяина домой. Воин в доспехах же остался на поле один. Жуткий зверь смотрел на него со всей своей безумной яростью. Рыцарю предстояло проскочить к своему коню, чтобы достать меч и закончить начатое. Арбалет он закрепил на спине.

Воин сделал кувырок, приземлившись прямо под зверем. Как бы ему сейчас пригодился нож или хотя бы маленький прут. Рыцарь потянулся за арбалетом и вновь воспользовался им словно топором. Удары получались не очень сильные, но зато дезориентирующие. Животное дёргалось, то и дело мешая следующему уколу. Олень начал сгибать ноги в коленях, чтобы достать рыцаря. Однако тот успевал уворачиваться.

После нескольких ударов воин проскользнул дальше. Конь терпеливо ждал его. Рыцарь вытащил меч и болты. Теперь он был во всеоружии. Животное смотрело на него с неиссякаемой яростью. Пришло время помериться силами в настоящем бою.

Несколько новых выстрелов, животное словно даже не почувствовало их. Едва дёрнувшись, олень продолжил стремительное движение на врага. Рыцарь отскочил и пригнулся. Над его головой пронеслись рога. Воин тут же увернулся, сумев избежать удара. Теперь в бой пошёл меч, так как болты кончились, а те, что застряли в шкуре оленя, нельзя было достать. Сталь сверкнула и рыцарь нанёс разящий удар. Всё тело оленя зашевелилось. Атака застала его врасплох. Существо однако тут же упёрлось рогами в меч. Рыцарь всеми силами давил, сила оленя была неумолима. Зелёная сущность подпитывала его.

Воин задумчиво осматривал пятна на теле врага. Он искал подсказку — слабое место, куда тут же можно было бы ударить. В таких случаях промедление может стать смертельным. Думать приходилось быстро, уворачиваясь от новых атак. Тем временем фигуры ребёнка и коня медленно удалялись — рыцарь теперь мог быть спокоен, они в безопасности.

Воин наконец придумал что делать дальше. Его силы уже были на исходе после череды яростных ударов, но голова ещё продолжала работать. Он привлёк внимание оленя, в затем стремительно прыгнул в траву. Животное проследовало за ним, направив внушительные рога туда, где только что пролетел воин. Пока олень осознавал, что промахнулся, рыцарь обежал того со спины и ударил по ногам. Чудовище взвыло. По его телу пронёслась дрожь. Теперь, когда олень не мог встать, воину оставалось лишь добить его. Из ран животного полилась зелёная жидкость. Она прожигала траву и оставляла на земле чёрные круги.

Воин изо всех сил навалился на раненого зверя сбоку и опрокинул. Гигантское существо с грохотом повалилось. Удар о землю был таким сильным, что тут же поднялся крупный столп пыли. Рыцарь сделал несколько шагов назад, чтобы та не попала в глаза — единственное незащищённое место в его обмундировании. Огромное существо распростёрлось на поле. Теперь мысли рыцаря наполнились спокойствием и тишиной. Словно кровоточащую рану обмотали большим слоем бинта.

Он осмотрел оленя. В голове пробежала мысль о том, что это был бы отличный вожак стаи — величественный страж диких лесов. Но судьба распорядилась иначе. Что так сильно его изменило, что заставило мутировать? Откуда эта зелёная жидкость? Он подумал и о том, сколько бессмысленной жестокости в убийстве оленя, мясо которого ты даже не можешь использовать, чтобы прокормить себя и близких. Всякий раз на охоте рыцарь с печалью понимал, что каждый убитый просто так зверь становится в один ряд с умерщвлённым человеком. От этой мысли становилось не по себе.

Рыцарь вынул из шкуры животного воткнутые болты. С удивлением он обнаружил, что они практически полностью обуглились. Похоже зелёная жидкость всё разъедает. Теперь они годны разве что на растопку печи. Воин заметил, что и на мече появились обугленные участки. Память об этой битве была высечена на железе.

Он взялся за рога животного: очень плотные и холодные, с шершавой поверхностью. Они напоминали камни. Рыцарь вцепился в самые тонкие, которые ещё можно было отломить. Он с усилием надавил, чтобы оторвать кусочек. Один рог неохотно, но начал гнуться. Несколько раскачивающими движениями воин наконец смог его отломить. Похоже совсем новый, рассудил он. Рога выполняли не только защитную функцию, но и служили для других особых обозначением. Молодые и тонкие, но не менее красивые, напоминали молодые ветви раски-

дистого дерева, а те, что были потолще — его корни. Плоть от плоти дитя леса. Заполучив рог, рыцарь присел, чтобы отдохнуть. Всё его тело гудело, особенно ноги. Он надеялся, что ничего не вывихнул. Воин некоторое время рассматривал трофей, думал о том, как быстро живое существо становится всего лишь телом. Эти массивные рога могли рассекать лесные чащи, бороться с волками и шакалами, служить годами. Но вот животное повержено и они лежат мёртвым грузом. Теперь рога всего лишь безделушка в руках того, кто их заполучил. Рыцарь подумал о том, как сам мог бы так лежать на поле, со смертельной раной. Его тело бы также валялось на подушке из травы, а пролетающие мимо вороны садились бы на него, желая отведать свежей плоти. «Всего секунда отделяет мгновение жизни от всевластия смерти» — подумал он про себя. Так странно думать, что живёшь чтобы однажды умереть.

Немного погодя рыцарь пришёл в себя, и чуть отдохнув сидя около чудовища, отправился в путь. Он оседлал коня и помчался туда же, куда поехал Оливер верхом на Бернарде. Их следы без труда виднелись на земле. Хромающий конь оставлял после себя особенно глубокие отпечатки. Так что его здоровый собрат, на котором скакал рыцарь, быстро нагнал его. Мальчик не спеша двигался по полю, оглядывая наполненные светом пространства. В его голове не утихал жуткий образ оленя, который чуть не убил его. Это чудовище теперь поселилось в его памяти, заняв там место среди всех самых пугающих воспоминаний.

Когда рыцарь и Оливер поравнялись, первый протянул второму добытый рог. Мальчик взвесил в руках этот трофей. Такая лёгкость и такая смертоносность.

— Хочу отдать это тебе на память, — промолвил воин, умиряя коня, который так и рвался помчаться дальше.

— Спасибо вам. Этот олень совсем с ума сошёл. Что на него нашло?

— Боюсь мы уже не узнаем.

— Значит вы разделались с ним? Вы знатный воин!

— Много ли чести убить животное?

— Но оно ведь было не в себе. Могло убить вас и меня... Бернард был ранен.

«Бернард» — имя пронеслось в голове у рыцаря стремительной стрелой, которая пробила его разум. Неужели это...

— Ты обронил свой кинжал. Не теряй его больше. Эта вещь всегда пригодится.

— О, вы нашли его. Я оказался трусом. Не смог одолеть врага. Даже не помог вам.

— Помочь мне? — воин залился добрым смехом.

Мальчик чуть смущённо улыбнулся.

— Лучше помоги мне снять шлем! — заключил рыцарь.

Оба спешили. Воин встал на одно колено, чтобы ребёнок мог помочь ему снять железную защиту с головы.

Мальчик вцепился в шлем и с трудом снял его. И в тот миг внутри него всё сжалось.

— Отец... Ты вернулся!

Воин ощутил как сотни копий вонзились в его сердце.

Он с дрожью от радости произнёс:

— Да, я твой отец Жак. И я вернулся.

Дальше они уже ехали рядом. Жак специально не торопил коня, чтобы двигаться вровень с сыном. Он так давно его не видел, что едва узнал. Эти некогда знакомые черты казались ему почти чужими. В них теперь было нечто новое: взрослый взгляд, большие руки (в сравнении с тем, какими они были у малыша) и такое смелое лицо юного покорителя мира. Жак помнил его крохотным ангелом, который едва начинал говорить. Первые шаги, первые слова — всё это было так давно. Теперь перед ним был другой человек. Мальчик, который уже был ближе к возрасту, который обычно зовут подростковым. Его черты становились всё более похожими на родительские. Особенно в нём угадывалась материнская красота. Её улыбчивое лицо, цвет волос и даже что-то во взгляде — всё это виделось Жаку в сыне.

Ему даже стало немного жутко. Он осознал, как внезапно вернулся в жизнь мальчика. Он подумал о том, что ощущает ребёнок, не видевший отца столько времени. Сколько слёз и печальных вечеров, проведённых в ожидании, сколько пустых надежд и несбыточных мечт о встрече. Жак почувствовал это ощущение на себе, представил как в одиночку сидит в старом амбаре, ожидая что отец вернётся. Но он так и не пришёл. Эта печальная параллель пронзила его сердце. Осознание расцарапало его старые раны. Неужели он такой же подлец, как его отец? Неужели повторит судьбу горе-родителя? Нет. Так не должно было быть.

Мальчик с волнением посмотрел на отца. Он видел его спустя столько времени и не знал что думать. Чувства обуревали им, наполняя душу противоречивыми мыслями. Радость будто сразу сменялась тревогой. Он так близко, и при этом так далеко. До него падать рукой, но не достать. Он скачет рядом, но на деле опережает его на многие часы езды.

Они скакали мимо полей и лесов, привычной, но забытой Жаком дорогой. Мчались навстречу прошлому, торопясь угодить в его огромные объятья. Мимо летели птицы, из тех что летают пониже, чтобы ухватить добычу на земле: коршуны высматривали в траве грызунов и других обитателей, желая устроить себе праздный ужин. Природа шумела, заполняя неловкую пустоту между двумя путниками. Раненый конь периодически останавливался, желая передохнуть. В одну из таких остановок Жак подумал о том, как сильным и молодым был Бернارد, когда они в последний раз виделись. Некогда величественный и сильный представитель рода диких скакунов, когда-то приручённый в полях, ныне был дряхлеющей развалиной. Сложно и представить, что когда-то у этой развалины был устремлённый вперёд взгляд — сейчас Бернارد вызывал лишь щемящее тоски чувство внутри. Жак с грустью думал о том, как жестоко поступает время, которое отнимает у каждого слишком много.

Оливер неловко решил продолжить разговор, ощущая как от дрожи начинают трястись руки.

— Я так давно тебя не видел. В первые дни я ложился спать у окна, чтобы только проснувшись увидеть, как ты едешь. Я очень долго ждал.

— Я знаю, Оли.

— Оли? Меня уже так не называют. Теперь я Оливер! И это имя мне к лицу.

— Ну что же, я уважаю это.

— А как тебя называли в детстве?

— Меня? — в голове у Жака пронеслись десятки моментов из детства: работа в полях с матерью, первая охота с дедушкой и вкус маминого пирога с рыбой.

Он на несколько секунд выпал из диалога. Улыбнулся себе и наконец ответил:

— Меня часто называли Молчун.

— Почему? — поинтересовался мальчик.

— Угадай, — развёл руками рыцарь.

— Ну это не ответ. Не хочешь говорить и не надо.

Мальчик резко отвернулся, изобразив обиду. Он не сильно расстроился, просто хотел привлечь внимание.

— Ну ладно тебе, я не хотел обидеть, — Жак остановил коня и спешился.

Ноги гудели от долгой езды. Он размял ноги и затем попросил мальчика сделать то же. Ребёнок неохотно послушался и сделал остановку. Рыцарь подошёл к нему и провёл рукой по волосам. Как же давно он не видел сына. Прикосновение словно искра разбудило в нём воспоминания о счастливых днях. Он увидел Франческу, прекрасный образ, который словно состоял из лучей света. Волосы Оливера точь-в-точь как её. Мальчик не в силах больше обижаться убрал с головы руку отца и прижался к нему. Это было самое чистое объятие, что было на свете. В эту секунду каждый понял всё без слов. Они оказались на незримом плоту, связанные вместе. И каждый знал, что теперь не в силах будет вновь пережить разлуку.

— Знаешь, я молчал, потому что часто не знал что сказать. Все вокруг ждали, что я им отвечу. А у меня просто не было подходящих слов. Я хотел просто быть собой, не выдавливать из себя ответы. Но мало кто мог это понять.

— Я тоже иногда такое чувствую! — с радостью заключил Оливер, тоска мгновенно покинула его сердце.

— Но знаешь что, как-то дедушка сказал, что может это и к лучшему. Лучше уж говорить мало, но по делу. Если не знаешь когда кончится дождь или когда лучше собирать урожай, то и не нужно пытаться выдумать.

— Кто-то обижался на то, что ты не говорил? — спросил мальчик, намереваясь продолжить путь верхом и седлая отдохнувшего скакуна.

— Все ждали от меня понимания. Хотели чтобы я говорил то, что они хотят слышать. Но я так не мог. Я говорил лишь то, что знал и то, во что верил. До трёх лет я почти не говорил вовсе, наверное это были самые спокойные дни. Кажется мама даже начала беспокоиться, намеревалась отвезти меня к колдунье.

Жак оседлал коня и отправился следом за сыном.

— Но теперь, когда вырос, ты всё знаешь.

— Мне бы очень хотелось в это верить.

Наконец показались знакомые места. Жак с трепетом оглядывал рисовавший перед ним вид родного дома. Здесь кажется ничего не изменилось, хотя сам воздух словно стал иным. В нём был аромат прошлого, манящий запах ностальгии. Чем ближе они приближались, тем сильнее это щемящее чувство обволакивало изнутри. Жак боялся этого мига. Той секунды, когда Франческа наконец приметит его вдалеке. Увидит отблеск его dospехов, услышит топот его коня и... А что если она всё это время не ждала, а проклинала. Может каждый день в разлуке был для неё пыткой, со временем превратив муки ожидания в чувство ненависти. Ведь он уехал сражаться, не зная когда вернётся, не будучи уверенным что и вовсе сможет это сделать. Жак чётко для себя решил, что не станет винить её в холодности или гневe. Надеялся лишь на то, что в душе ещё есть место для прощения — выемка, которую они вместе могли бы наполнить счастьем от долгожданной встречи.

II

В доме было совсем непривычно. Жак пытался вспомнить, что он раньше чувствовал здесь. Ноздри его ощутили подзабытый аромат соломы и дерева. Он поймал себя на мысли, что очень давно не ночевал под крышей. Последние месяцы приходилось засыпать где придётся, чаще всего под деревьями или прямо в поле. Убранство дома всё также оставалось скромным. Его приветливо встретила Клара. Она заблеяла и принялась качать головой. Наверное так она здоровалась. Могло ли животное помнить своего хозяина спустя столько времени?

Жак сняли доспехи, оставшись в тунике. Он почувствовал приятное облегчение. Как же прекрасно было снять с себя тяжеленные латы. Жак взглянул на меч. Его сталь уже не так ярко блестела, а грани подстёрлись от частых ударов противника. Сидя на кровати он с радостью обнаружил, что теперь может просто заниматься домашними делами, зная, что не придётся вновь надевать броню после ужина.

Франческа усадила Оливера и Жака за стол. Она знала, что оба сильно устали и проголодались. Женщина сняла с печи глиняный горшок. Из него шёл ароматный пар, пахло печёным мясом и картофелем. От этого запаха весь дом словно наполнился уютом. Треск печи разбавил неловкое молчание. Франческа разложила еду по тарелкам и придвинула путникам.

— Спасибо! — радостно воскликнул Оливер.

Франческа погладила его по голове.

— Спасибо, — сдержанно произнёс Жак. Он боялся сказать что-то лишнее.

Они принялись за еду. Хозяйка резко встала и куда-то ушла. Через полминуты она вернулась с горшком, в который было налито молоко.

— Совсем забыла, что приберегла немного для ужина.

— Клара всё также часто даёт молоко? — поинтересовался Жак, чтобы оттянуть неловкий разговор с женой.

— Мама не часто оставляет молоко, — ответил мальчик. — Обычно мы увозим его на продажу, чтобы выручить несколько монет.

— Ты вернулся. Я знаю, что ты не говорил когда, — произнесла Франческа. — Ты не обещал мне ничего. Но я не знаю что мне чувствовать. Твоё лицо кажется мне теперь таким чужим.

— Франческа, я знаю. Ты не обязана сейчас прощать меня.

— Прощать? Но разве я носила обиду?

— Думаю тебе было больно. И я тому виной. Прости меня.

— Твой сын... он так вырос. Оливер больше не тот малыш, делающий первые шаги. Теперь он...

— Я видел как он управляется с Бернардом. Он молодец.

— Ты помнишь его имя. Это приятно слышать.

— Знаешь, я словно ощущаю, что должен заслужить твоё прощение. Не из-за твоих слов, а потому что сам этого хочу. Мне стыдно, что я так надолго покинул вас. Но ты знаешь, что иначе было нельзя.

Франческа вздохнула. В её мыслях пронеслись обстоятельства их последнего разговора, финальные минуты прощания. Кажется с тех самых пор она не чувствовала себя такой же расстроенной. Ей хотелось заплакать, но она не могла, ей хотелось радоваться, но всё это показалось бы глупым поступком. Франческе нужно было время, чтобы принять то, что боль можно отпустить.

— Ты не бросал нас. Это мы не смогли бросить свой дом. Я осталась, чтобы продолжать наше общее дело. Помнишь, как ты говорил, что наше хозяйство, наш дом — это наша сила. Наше общее дело, помнишь?

Он кивнул.

— Я думаю, что ты ушёл потому, что должен был так поступить. У тебя не было выбора. Ты пошёл по пути, который был предначертан. Если бы ты не сделал этого, то не простил бы себя.

— Но я итак себя не прощаю.

— Прощение сложная вещь, сам знаешь. Оно как роза — пока доберёшься до сути, уже десятки раз поранишься о шипы.

Жак вздрогнул. Эту фразу она говорила в день их разлуки.

— Но всё равно, мне сложно простить себя. Мне нужна твоя помощь. Я хочу искупить вину.

— Ты пошёл на войну, чтобы защищать в том числе и наш дом. Так сделали все мужчины. Это храбро. И никто не вправе осудить тебя. Даже ты сам.

В её словах доброта смешалась с каким-то странным безразличием.

— Мне нужно время, чтобы понять что я чувствую. Столько дней прошло. Я словно совсем тебя не знаю.

— Я понимаю тебя. И это чувство мне тоже знакомо. Знай лишь, что я бы очень хотел вновь наполнить наш дом светом. Все эти дни я думал о вас, видел во сне и мечтал о скорой встрече.

— Сначала я думала об этом, а затем перестала. Мне сложно было всё время цепляться за эту нить. Она всё рвалась и рвалась. Становилась тоньше с каждым днём. Я подумала, что если на время выбросить это из головы, то станет проще.

В их разговор вмешался Оливер:

— Отец, ты расскажешь нам о крестовом походе?

— Обязательно. Но немного позже. Сейчас всем нам нужно немного отдохнуть и подумать о будущем.

— Я знаю, что вы обижены друг на друга, — произнёс Оливер. — Но знаете что? Я так долго ждал, чтобы вновь увидеть вас вместе. Я не хочу чтобы вы ссорились.

От его пронзительного голоса Жаку стало не по себе. В этих словах было столько светлого и наивного. Какая-то невероятная сила детской любви и веры в лучшее.

Даже Франческа чуть охладела и погладила сына по голове. В уголках её губ появилась едва заметная улыбка. В ней было счастье наполовину с усталостью.

— Мы двинулись от Ламберти, думали что поход выйдет долгим. Но даже не представляли насколько. В пути было много разного. По ночам мы мёрзли, костёр едва ли мог нам помочь. Некоторые уже в первые дни из-за этого разболелись. Командир отряда был очень суровым человеком. Он не жаловал тех, кто не справлялся. Нескольких отправил домой. С позором отправились обратно — не знаю, дошли они или нет. В лесах мы стали наткаться на небольшие отряды. Приходилось быстро реагировать. Многие дрались впервые, а потому немало людей сгинуло в первой же стычке. Я часто думал о том, ради чего это всё. Мне казалось, что я знаю. Но сейчас, спустя столько времени, я ощущаю гнетущую пустоту. Мне неведомо зачем мы это делали, за что проливали кровь. Настоящих причин мы не знаем.

— А как же защита земель? Разве вы не за этим отправились? Я слышал, что все воины пошли в крестовый поход, чтобы биться за правду.

— Так и нам говорили. Но знаешь сын...

Вдруг вмешалась Франческа:

— Не надо ему про это...

— Я не стану вдаваться в подробности, не волнуйся. Скажу лишь, что изначальный план провалился. Все мы должны были занять позицию на холме Доблести, в замке. Нам обещали, что там каждый наконец сможет передохнуть, восстановить силы и поспать. Мы мечтали обо всём этом неделями. А потому шли с воодушевлением. Но на месте всё оказалось совсем не

так. После вражеских набегов в замке почти не стало припасов. Люди практически не спали, потому что караулить приходилось почти каждому. Сам замок был полуразрушен. Несколько осад ослабили его оборону. Когда мы пришли туда, то у многих опустились руки. Не скрою, что и я почувствовал предательство. Наш командир много кричал, ругался с их командирами. Но никакого толку. Они просто обменялись злобой, а проблема осталась. Стало понятно, что это место скоро сравняют с землёй, а значит остановиться надолго не выйдет. Нам дали два дня, исходя из запасов провизии. На второй день мы отправились дальше, в надежде что следующий пункт нашего пути окажется хоть немного более надёжным местом. Если бы мы только знали, что впереди будут ещё десятки таких же полуразрушенных укреплений, обманутые люди и смертельно опасные встречи с врагом. Многие из тех, кто ещё оставался в живых, теряли веру в наш успех. Кто-то уходил на сторону врага, кто-то бежал. Желание убивать быстро сменилось желанием выжить. И мне сложно их осуждать. Я ведь и сам стал беспокоиться за свою жизнь. Ведь я должен был вернуться к вам...

— Значит все эти годы вы видели только плохое? — с печалью в голосе спросил Оливер.

— Тот, кому суждено убивать, никогда не спит спокойно. В какой-то момент я перестал понимать, что делаю и куда иду. Если бы не мой соратник Кристиан, я бы сошёл с ума. Каждый день я нёс на себе эти доспехи. Они покрывались пылью дорог, потом борьбы, кровью павших врагов и союзников. Я шёл вперёд, надеясь что хотя бы в самом конце набреду на свет. Верил, что пойму наконец, зачем всё это затеяли.

— Значит этого хотел Бог?

— Не знаю чего он хотел. Я могу быть уверенным только в том, что видел собственным глазами. Один из тех, кто продолжал верить в нашу победу — командир. Он словно видел в нашем пути лишь его торжественное завершение. Жил мыслями о том, как громогласно объявит отряду о победе. Он очень верил во всё это. В его взгляде всегда была страсть. Однако с какого-то времени командир стал обходиться с нами куда жёстче. Он не отпускал тех из нас, кто хотел вернуться. Если раньше ещё можно было отступить, то теперь это было в прошлом. Все мы стали железом в этой кузнице победы.

Франческа подумала о том, что не очень хочет копаться в прошлом. Говорить о былом сейчас будет непростительно больно. Ей хотелось починить эту сломанную шкатулку их жизней, однако она понятия не имела о том, как это сделать. Убрав всё со стола женщина выдохнула. От того что в доме снова появился мужчина, ей стало чуть спокойнее. Она ещё не простила его, не дала возможности объясниться, но уже была рада самому факту возвращения. Частичка их семьи вновь соединилась с этим домом.

Они легли в постель. Всего одно движение отделяло рыцаря от плеч жены. Жак подумал о том, как прекрасно вновь разглядывать её в полутьме. Франческа всё ещё волновала его сердце. Волосы, лежавшие на подушке; большие добрые глаза и румяные щёки — каждую деталь он помнил, бережно храня внутри.

— Я хочу завтра отправиться на охоту. Как в старые добрые времена.

— Снова уйдёшь...

— Но я вернусь. Я даю слово.

— Возьмёшь с собой Оли?

— Он теперь Оливер. Только так просит его называть.

— Он всё ещё не против короткого имени. Просто иногда вредничает. Да и к тому же ты его отец, он хочет быть равным тебе. Гордость, сам понимаешь.

— А в твоих глазах хочет оставаться маленьким... Что же. Пусть так. Я очень печалюсь, что не видел того, как он рос.

— Он не забывал о тебе. Я даже первое время находила его письма. Он хотел отправить их тебе. Но мы не знали куда отослать. Ты был так далеко. Мы и понятия не имели, где искать.

— Теперь я дома.

Жак положил руку на её волосы. Она закрыла глаза. Следующим движением муж при-
слонил её к себе, неловко обнял. Франческа поддалась, она всё ещё не простила, но просто
захотела немного тепла.

— Ты обязательно должен сдержать слово и вернуться, иначе наша любовь умрёт. Упо-
коится навсегда в этом доме.

III

— Ну и что ты мне расскажешь, Моргана? Что ты видишь? — спросил тучный лысый мужчина, одетый в тунику.

— Вижу, что у тебя. Морван, совсем нет терпения. Я же просила не давить на меня, когда я работаю.

— С каких пор колдовство стало работой? — усмехнулся толстяк.

— С тех самых, как я стала придворной ведьмой. Вы и шагу без меня ступить не можете. Кристоф просто жалок. Недавно снова приходил весь в поту, говорил что во сне ему явились дурные знаки. То мёртвые животные, то гибнущие растения — он бормочет об этом каждую неделю. С таким слабым лидером графству не удастся ничего противопоставить врагам. Суеверия это глупо. Только настоящая магия может быть чем-то действительно стоящим.

— И всё же, что ты видишь? — повторил Морван, потирая свою яйцевидную голову.

— Вижу сильного воина. Это рыцарь. Статный и молодой. Настоящий завоеватель. Он держит в руках не просто меч, для него это больше чем оружие. Он живёт боем. Таких людей не так уж много на нашей земле. В отряде Шевалье ему бы нашлось применение.

— Хочешь, чтобы мы взяли его на службу? Ты не боишься? — Морван пододвинул к себе кружку, в которой поблёскивал пенный напиток.

— Всяко лучше, чем то отребье, которое ты набирал до этого. Все они погибли в первой стычке.

— Это ведь ты посоветовала брать бывших рыцарей.

— Но я не говорила хватать первых попавших бедолаг из таверны. Такое войско условно отвечает характеру правления Кристофа, но раз уж все мы тут пытаемся прославить род Шевалье, то будь добр, ищи лучше.

— Моргана, как ты прекрасна. Даже когда говоришь все эти колкости. Жаль я не вышел ростом. Был бы тебе отличным мужем.

— Поменьше хлещи пиво. Твой живот уже едва помещается за столом.

— Но зато мне не было равных в бою.

— Неужели тебе никогда не хотелось чего-то большего, чем просто досыта есть и пить столько, сколько вздумается. Ты никогда не думал, что за пределами замка находится огромный мир, который можно было бы изменить?

— Я вполне доволен ходом вещей. Можешь сколько угодно ругать Кристофа, но поверь, он не самый плохой правитель. Я знал его отца — вот это был страшный человек. Филипп переказнил десятки людей, только почуяв измену. Порядок любил больше чем жену и сына, вокруг была такая тишина, что даже мне, старому военачальнику становилось не по себе. Страшные дни первого крестового похода. Правда никто так и не знает куда он подевался. Тиранов стараются поскорее забыть.

— В таком случае Кристофу бы не помешало учиться у отца дисциплине.

Морван опустошил стакан. Затем потянулся в карман. Оттуда он достал небольшой обломок железа. После этого поставил на стол, придвинув его ведьме. Женщина поправила длинные тёмные волосы. Взяв в руки обломок, она восхитилась:

— Чёрная Скала. Подумать только!

— Пока тут тут колдовала, Делакруа с парнями отыскал на поле боя эту вещичку. Похоже обладатель шлема сражался на том месте. Может даже был ранен. И я бы очень хотел знать, кто же смог дать ему отпор. Отколоть кусок шлема. Это должна была быть неимоверная сила.

— Что же, Морван, я должна признать, кое-что вы и правда можете. Но уверена что это всё Делакруа. Он куда моложе и проворнее тебя. Смотри в оба, как бы парень не занял твоё место в отряде.

— Он молодец. Но ты меня недооцениваешь. Мы мало что о нём знаем. Я всё ещё не доверяю этим рыжим кудрям.

— Такого красавца ещё поискать. Ты верно завидуешь, старый осёл.

Морван потянулся за кувшином, чтобы налить себе ещё освежающего напитка. В замке потемнело, закатные лучи стали пробиваться в большом резном окне. Эту часть замка свет посещал в последнюю очередь, отдалённый зал большую часть дня находился в полумраке. Из-за этого даже от свечей был какой-то жутковатый флёр. Атмосфера таинства не покидала эти стены.

— Морван, пошли людей по следу. Может мы ещё сможем догнать Чёрную Скалу. Такая сила бы изменила многое в замке.

— Я хоть и старый, но всё ещё соображаю. Уже несколько часов отряд идёт по следу. Если Чёрная Скала там, то остались лишь считанные часы до того, как его найдут.

— Делакруа с ними?

— И что тебе за дело до него? Рыжеволосый останется. Таков мой приказ.

— Позови его. Хочу поговорить с глазу на глаз.

— Но чтобы никаких секретов. Что если он шпионит для соседнего графства? Не доверяй ему тайны Шевалье. Иначе вам обоим придётся спешно покидать этот замок. Уж поверь.

Моргана улыбнулась, ведьму знатно веселила та вспыхнувшая ревность, которая зародилась в стенах их замка. Её тёмные волосы спадали на красивые плечи, каким могла бы позавидовать даже графиня. Да и платья она всегда выбирала из числа самых заметных. Дорогая ткань лоснилась, выдавая в ней важную особу. Однако далеко не все видели её такой, чаще всего она ходила по замку в капюшоне и мантии, чтобы лишний раз не отвлекать мужчин от работы. Многие воины мечтали о том, чтобы Моргана обратила на них взор.

— И ещё кое-что, Морван. Не говори обо всём этом Кристофу. Если шлем всё же удастся забрать, то он непременно захочет его себе. Нам нужно время, чтобы придумать хорошую цену для обмена. Я не собираюсь отдавать этому глупцу такую силу за просто так.

— В этом я тебя понимаю. Если мы найдём Чёрную Скалу, то многое может поменяться. И кто знает, может быть тогда этот замок станет носить другую фамилию.

— Ну уж точно не твою, — рассмеялась ведьма.

Её взгляд при этом оставался задумчиво холодным. Через несколько минут к ней постучался рыжеволосый юноша. Она разрешила ему войти. Молодой и статный Делакруа оказался прямо перед ней. Женщина предложила ему присесть, однако тот не согласился.

— Мне нужна небольшая услуга. Думаю тебе можно довериться.

— Что вы хотели, госпожа? — улыбнувшись спросил Делакруа.

— Хочу чтобы ты нашёл одного человека. Кажется его помощь будет нам очень кстати.

— Могу отправиться хоть сейчас.

— Не сомневаюсь. Только пусть это будет нашим секретом. Никому не говори куда едешь и не бери никого с собой. Дело очень деликатное. Разузнай чем живёт этот воин. Я хочу знать, может ли он стать частью нашего отряда.

— Позвольте лишь спросить его имя.

— Я вижу что его зовут Жак. Этот рыцарь живёт на границе с графством Де Манд.

— Могу я узнать, чем он так ценен вам?

— В его шлеме очень большая сила. Он и сам ещё не догадывается какая.

Делакруа понял, что женщина больше не собирается ничего рассказывать. Он послушно кивнул ей, дослушав последнюю фразу и стремительно удалился. Его рыжие волосы в огне свечей выглядели особенно завораживающе. Будто смотришь на костёр, который вот-вот вздымется в небо. Он был моложе всех в отряде, однако мог дать фору каждому в ловкости и смекалке. Каждый шаг, каждое слово — всё было словно бы выточено самым искусным мастером.

Его сердце неистово билось на пороге новых горизонтов. Очередная дверь таила перед ним неизвестность, но вместе с тем возможности. И он с дерзостью мальчишки рвался вперёд.

Рыжеволосый парень быстро собрался, чтобы отправиться в дорогу. Он тихо прокрался мимо зала, где ели члены отряда. Никто не должен был видеть его уход. К счастью многие из воинов оказались значительно пьяны, поэтому уйти незамеченным не составило труда. Ускользая мимо воинов, Делакруа подумал о том как же глупо они тратят время своей жизни. Он презирал алкоголь, который за считанные минуты превращал любого в слабака. Эти усталые воины пропивали последние крохи здоровья, только потому что ничего не хотели и ни к чему не стремились. Они были ему особенно противны в этот час. Хотя в поле битвы каждый из них стоил десятка солдат.

Делакруа добрался до внутреннего двора замка Шевалье. Большое открытое пространство служило для прогулок и больших застолий. Сюда попадало много солнца, в отличие от всего остального замка, который вечно пребывал в тени. Каменные стены обросли выющим кустарником. Это место напоминало сказочные оранжереи. Приятный и спокойный пейзаж сильно контрастировал с внутренним убранством замка. Казалось, словно это место было единственным, которое излучало настоящую жизнь.

Стража Делакруа уже была не страшна — у них приказ выпускать всех воинов, которые здесь живут. Лишь по особым случаям им разрешалось пускать на территорию посторонних. Обычно это были заранее спланированные визиты разных особ. Кристоф любил иногда закатывать пиры, чтобы выпустить пар и наладить дипломатию. В такие дни стража могла пустить и чужаков. Некоторые особо раскрепощённые гости позволяли себе даже спаивать стражников. Однако на утро тех ждал строгий выговор.

Делакруа шагал по ярко зелёной траве, которая казалась почти нереальной из-за цвета. В этом свете он смотрелся как рыжеволосый ангел, был в нём нечто величественное, даже пугающе приятное. Делакруа чаще всего носил коричневую тунику под бронёй, которая не слишком сковывала его движение. Так он оставался манёвренным, когда скакал верхом. Рыжеволосый подошёл к привязи, где стоял его гнедой конь. Он провёл по его гриве рукой. Животное что-то приветственно пробурчало. От молодого жеребца исходило дыхание жизни, он без труда мог преодолеть десятки километров. Казалось, что сама природа даёт ему силы — подпитывает через землю, над которой пролетают его копыта.

Делакруа закинул на него седло и мгновенно оказался верхом. Взяв коня под уздцы, он не спеша повёл его к воротам замка. Стражники понимающе поторопились открыть их. Их натёртые до блеска доспехи слепили Делакруа. Он на несколько секунд закрыл глаза, а затем открыл их, когда они с конём пересекли пределы замка. Рыжеволосый любил так делать — представлял, словно переходит мост через миры, оказываясь в совершенном новой неизведанной стране. Он много мечтал, чувствуя как ветер свободы несёт его по дорогам графства.

Замок медленно удалялся из виду. Его величавые башни напоминали огромные скалы, которые веками охраняли мир от напастей. Родовой замок Шевалье являл собой удивительное сочетание красоты и ужаса. За прекрасными фасадами скрывались зачастую малоосвещённые и пустоватые коридоры, которые вели обитателей по длинным лестницам, от которых веяло тревогой и страхом. Откидной мост закрывал гигантский ров, призванный не дать врагам окатиться за воротами. Эту большую яму рыли десятки воинов, которыми в ту пору управлял один из предков Кристофа. Портрет этого и других членов семьи Шевалье украшал коридоры замка. В каждой комнате можно было увидеть фамильный герб. На нём красовались крест, шакал и змея. Все они складывались в необычную фигуру, которая напоминала о главных принципах рода: змеиное спокойствие, ярость шакала и служение вере. По легенде первый Шевалье ехал на повозке мимо этих земель. Здесь тогда участились нападения шакалов. В одну из ночей те загрызли всех в его отряде. Ему чудом удалось выжить, притворившись мёртвым. Утром он очнулся совсем один. Шакалы не пожалели никого, разорвав на куски всех, кто был в отряде.

Не пощадили они даже самых молодых членов группы. Как только появилась возможность, Шевалье сбежал в леса. Пришлось долго и мучительно пробираться сквозь ветви, чтобы уйти максимально далеко от места, где случилось нападение. В лесу он наткнулся на змею, но не дал себя ужалить. Мечом он пригвоздил тварь к дереву. А затем услышал, что стая шакалов идёт по его следам. Животные всё приближались. Один из них остался, чтобы проверить местность. Шевалье пришлось долго выжидать, прежде чем он смог предпринять ход. Скиталец натравил змею на шакала, наблюдая из засады за тем, как та ловко обвивает шею животного. Укус за считанные секунды обездвижил хищника. А затем шакал начал в панике бросаться на каждый куст. Когда он нашёл Шевалье, было уже поздно. Яд поразил его окончательно. Пока змея спускалась с шеи животного, рыцарь достал меч и нанёс мощный удар, от которого извивающаяся убийца мгновенно умерла. Её коварство сыграло на руку Шевалье. И он уже собирался уходить, как вдруг заметил, что из шеи змеи сверкает небольшой предмет. Яркая вещь ослепляла своей красотой. Шевалье потянулся к этому свету и достал маленькое украшение. Это был крест, очень приятный на ощупь. Шевалье решил, что так мир даёт ему понять, что его спасение ни что иное, как знак свыше. В тот миг и зародилась великая идея постройки замка. В одиночку он начал возводить стены, вырубать деревья, мешавшие строительству и планировать будущее строение. Он мало спал и часами работал над тем, чтобы возвести то, что впоследствии стало именоваться замком Шевалье. Мимо часто проезжали равнодушные воины и крестьяне. Все они искали ночлега, который им любезно предоставлялся за помощь в строительстве. Так один дом превратился в целый двор, а затем начал обрастать каменными стенами. Росло число людей, которые трудились над зданием. Нанимая всё больше работников Шевалье создавал вокруг себя верную ватагу. Они-то и стали его верными подданными. Их преданность и честь помогли прославить имя графа. И спустя годы, когда замок наконец был достроен, в центральном зале водрузили герб Шевалье, с теми самыми символами. Они всегда напоминали о том, какой большой путь проделал простой рыцарь на пути к славе графа. Однако его свободолюбивый нрав не пришёлся по вкусу последователям. Если при первом Шевалье действовало правило общего равенства, дававшее всем жителям свободно жить и трудиться на территории замка, то с приходом последующих правителей ситуация в корне изменилась. Никаких свободных людей больше не было. Все стали подчиняться строгой иерархии. Однако легенда о свободных людях Шевалье не переставала будоражить сердца многих, кто слышал её в походах, перед сном в кровати и сидя за столом в пыльной таверне.

Морван вышел на другую сторону замка, с башни открывался отличный вид на казарму. Там внизу сустились его воины, в чём-то безумные, но вместе с тем отважные — готовые драться до смерти. Лица выдавали в них настоящих рыцарей, полные решимости эти люди дрались каждый раз как в последний. Каменное здание казармы находилось в тени от деревьев, которые росли неподалёку. Их могучие тени словно прикрывали тыл рыцарей. От здания тянулась струйка дыма — это горела печка, которая обогревала прохладное помещение изнутри. Рядом располагалась тренировочная территория, где воины могли упражняться во владении мечом и не только. Манекены, набитые соломой; мишени, истыканные дырами — всё это говорило о том, как много и часто здесь упражнялись. Иногда птицы садились на снаряды и принимались их клевать. Их хищные клювы могли за секунды превратить любого на пути в груды мяса.

— Морван! Постой! Хочу с тобой поговорить.

Лысый старик удивился, увидев Кристофа не в своих покоях (ему докладывали, что он там).

— Чем могу быть полезен? — поинтересовался Морван.

— Оставим фамильярность. Есть новости от Мондо?

— Коротышка заходил вчера. Говорит, что видел в лесах следы. Большая группа людей. Конные рыцари. Не меньше пятидесяти человек.

— И когда ты собирался мне рассказать? — Кристоф уже было думал устроить очередную истерику.

— Всё под контролем. Я уже послал людей следить. Если только эта толпа потянется к замку — я буду знать. А следующим узнаешь ты.

— Ладно, — развёл руками Кристоф.

Морван успокаивающе похлопал того по плечу. Граф удивительно сочетал в себе две крайности. То он был вспыльчивым тираном, то капризным ребёнком. Морван привычно использовал свои отвлекающие приёмы, чтобы успокоить правителя. Очередная головная боль была ему не нужна.

— Передай ему пару монет от меня. Он заслужил.

— Что-то ещё будет нужно от него в ближайшее время? — поинтересовался Морван.

— Пусть следит за лесами дальше. Этого пока достаточно. За это я ему и плачу.

Кристоф поправил свои короткие усы. Его длинный рост мог показаться даже аномальным. Специально для его удобства многие проходы в коридорах сделали выше. Так правитель точно мог избежать травмы. Обычно он любил сидеть в своей просторной комнате, куда редко пускал кого-то кроме особых приближённых. Там часто обсуждались тактические манёвры и политические решения. С первым ему помогал лысый толстяк Морван, а со вторым ведьма Моргана. Их разномастный союз по сути и управлял замком, с прилегающими территориями. Их решения оказывали огромное влияние на то, как Кристоф вёл дела. Сначала он просто прислушивался, а затем и вовсе стал доверять им большую часть забот. И это было оправданно — соратники на всём пути помогали ему с решениями, делали грязную работу. Ему же оставалось лишь выбирать занавески для этой заранее хорошо обставленной комнаты.

— Что ты думаешь про этого новичка? — поинтересовался Кристоф, ища глазами рыжеволосого парня среди воинов, которые вышли из казармы.

— Делакруа... Моргана кажется без ума от него. Но я бы не был так поспешен. Пусть проявит себя. В бою он неплохо сражался. Однако рано пока делать выводы. Мало ли что у него в голове. Вы знаете меня много лет, а вот ему я пока доверять не советую.

— И куда же он мог запропасться?

— Моргана с ним говорила. Может обмениваются любезностями.

— Никогда не подумал, что такая неприступная дама может так легко влюбиться. Это даже смешно.

— Впрочем она умнее многих других женщин. Вряд ли ей нужна просто любовь.

Кристоф согласно кивнул.

— А ты что, ревнуешь её? — улыбнулся граф.

— Что? — деланно возмутился Морван.

— Я может и не такой сильный как ты или твои рыцари, но зато глаз у меня намётан. Знай, мне не важно что у вас там. Я хочу только одного: чтобы вы оба служили мне исправно. И если однажды один из вас перестанет справляться, то ему придётся уйти.

— Не думаю что до этого дойдёт. Мы оба верны тебе всем сердцем. Я знал твоего отца и не думаю, что тебе стоит идти по его стопам.

— Намекаешь, что мне не идёт тирания?

— Наменяю, что такие быстро теряют голову от власти. Если бы он не стал параноиком, то прожил бы ещё немало лет.

— Я уже начинаю забывать его. И сказать по правде я даже рад этому. Не могу вспомнить, чтобы чувствовал себя счастливым с ним.

— Я не думаю что такие помешанные на власти люди в принципе могут дарить счастье. Хотя и он не всегда был таким, я уверен.

— Мне удалось лицезреть лишь тёмные годы его жизни. Не думаю что он в самом деле хотел продолжать род. Думаю это мать настояла. Её он действительно любил и уважал. Поэтому и согласился.

— Что же, надеюсь что ваша жизнь сложится иначе.

— Она уже сложилась. И думаю что именно так как и должна была.

Морван покинул место их беседы и направился к казарме. Кристоф оценивал обстановку, осматривая владения. Он любил этот замок, но его страшно бесило, что почти всё в нём было построено до него. Здания и башни, даже чёртов колодец, всё это возводилось без его малейшего участия. Словно он пустое место, затычка для дырявой бочки с соломой. Быть этой ненужной частью ему не хотелось. Кристоф хотел перемен, надеялся что сможет сделать нечто большее чем все те, кто был до него. Желание прославить замок с новой силой заиграло в его сознании.

IV

Кристоф вошёл в зал, где сидела Моргана. Даже во тьме эта женщина сияла каким-то манящим светом. Её глаза светились в темноте, как у дикой кошки. Было в её облике что-то вземное, полное потусторонней магии. То ли из-за роскошных волос, то ли из-за невероятной красоты глаз. Вид её сразу же пленял — влюблял в себя. И даже несмотря на то, что она была сильно старше, Кристоф ощущал как сильнее начинает биться его сердце при виде этой особы.

— Кристоф... Ты здесь. Что привело тебя ко мне?

— Давай оставим глупые предрассудки. Поговорим о деле.

Ведьма развела руками. Её улыбка в этот момент была особенно саркастичной.

— Мне нужен совет.

— Как и во все предыдущие разы.

— Можешь ехидничать сколько хочешь.

— Просто так ты ко мне не заходишь. Всегда нужен повод.

Он проигнорировал её замечание и продолжил гнуть свою линию.

— Я очень опасаюсь за судьбу замка. Тревога не покидает меня. Ещё и слухи начали разноситься.

— И что же говорит народ? — спросила Моргана всё тем же полным сарказма тоном.

— Говорят, что в лесах стали часто видеть странных существ. С виду они как животные, но на деле уже не живы.

— Орден Теней защищает замок, ты же знаешь. Организация не допустит, чтобы с фамильной крепостью Шевалье что-то случилось.

— В последнее время я всё меньше чувствую помощь Ордена. Я знаю, что не должен вмешиваться. Но не могла бы ты поговорить с ними. Я хочу чтобы они помогли.

— С какой целью я должна их потревожить?

— Нужно, чтобы они достали для меня одного такого зверя. Я хочу, чтобы Орден изучил природу этих странностей.

— Найти и принести. Понятно. Значит всё что тебя беспокоит это обезумевший олень?

— От тебя ничего не скрыть, Моргана. Я бы очень хотел чтобы ты использовала это на наше благо. Быть может перед нами что-то по-настоящему опасное. Но в твоих умелых руках и под моим надзором, оно могло бы стать смертоносным орудием в политических играх графства. И тогда бы мы вернули замку былое величие. И уж поверь, я бы не поскупился на благодарность. Члены Ордена получили бы больше власти.

— Всегда забавно слышать, как ты отделяешь меня от них.

— Тебе я доверяю. Ты намного мудрее их всех. Потому-то ты и здесь. Твоя голова дороже любой другой в этом замке.

— Многие этого не понимают.

— Я умею быть благодарным. Услуга за услугу, всё как всегда.

— Уверена, что проблем с тем, чтобы принести тебе животное, не будет. Но не знаю как они отнесутся к тому, что ты ставишь условия.

— Не думаю, что стоит ссориться. Ведь я разрешаю им, то есть вам, находиться здесь и проводить свои ритуалы. Вы получаете мою благосклонность. Взамен я хочу лишь иметь немного больше власти.

Моргана дала Кристофу понять, что услышала его слова. Он удалился, оставив её в темноте. Ведьма подошла к старому комоду, где стояло множество книг. Они были покрыты пылью и паутиной. Многолетнее собрание знаний, которые удалось сбересть от вражеских набегов,

всегда помогало ей найти нужные ответы. Любая мудрость — прежде всего знание, обработанное годами теории и практики.

Моргана взяла в руки одну из самых толстых книг. Это был огромный, размером с половину стола, рукописный труд, проиллюстрированный сотнями удивительных рисунков. Страницы долгое время пылились без дела и вот их час пробил. Моргана с наслаждением переворачивала эти бумажные листы. Она искала, точно не зная что именно. Ей нужны были ответы, хотя и сами вопросы не были в полной мере сформулированы. На страницах мелькали древние тексты, где каждая буква прописывалась с особым трепетом. Моргана долистала до большого заголовка «То́пи». Ниже были нарисованы болота. Автор не поскупился на оттенки зелёного. Жутковатые, но в чём-то прекрасные, виды болот сопровождались подписями. Эти буквы не просто складывались в слова, они словно начинали звать. В их очертаниях была незримая сила. Будто из ниоткуда в воображении возникали руки, покрытые мхом и илом. Они тащили за собой, уносили в самую глубь. Их сила была стремительной, почти неостановимой. Моргана прислонила палец и прочла одну надпись в углу. Не очень приметную, написанную менее аккуратно.

«То́пи таят силу. Бойся их». Предостережение или же попытка скрыть что-то важное? Ведьма задумчиво вглядывалась в рисунок. Она что-то чувствовала внутри, но не могла объяснить. Она пролистнула дальше. Здесь были описания разных болотных свойств. Изученная на горьком опыте информация о глубине болота, детали о растениях, которые приспособились произрастать рядом и кое-что ещё. «Болотный камень». Она прочитала дальше: «Впервые его видели отшельники, которые путешествовали по окрестностям графства. Нашедший камень путник положил его в сумку и каким-то странным образом смог пройти через болото. Камень охранял его, словно незримый страж. Путник с тех пор не выкладывал камень из сумки. Однако когда он умер, за реликвией принялись охотиться. Найти камень сейчас пытаются многие. Однако ещё никто не смог это сделать». На обложке книги красовалось полустёртое название «Колдовская книга Шевалье».

Моргана продолжала задумчиво всматриваться. Ждала какого-то знака или подсказки. В комнате было так тихо, казалось она могла бы услышать как звучат процессы в желудке и печени. В последнее время Моргана часто слушала себя — искала ответы на дне сосуда души.

Она бросила взгляд в окно. Уже совсем стемнело и луна подала признаки жизни. Её болезненный цвет предвещал встречу с советом Ордена. Моргана не знала что рассказать им о болотных силах, предпочла разыграть карту неожиданности, сделать вид что ей ничего неизвестно о странных болотных силах. Она хотела сама докопаться до истины, чтобы в случае чего первой овладеть новым видом магии. Она собирала их, коллекционировала как красивые платки. Раньше новые техники давались с лёгкостью, но в последнее время всё стало не так просто. Сила, скрытая в болотах, была чем-то чужеродным, будто появившимся извне. Откуда-то далеко из недр земли. Страшная и всеобъемлющая энергия леса — то что нужно, чтобы стать владычицей графства Шевалье.

Убедившись, что пришло время, Моргана прошагала в главный зал. Затем привычным ходом оказалась в тайном крыле. Она так часто ходила тут, что уже могла бы справиться с дорогой вслепую. Маленькие капли падали с потолка. В пещерном углублении периодически текли сточные воды. Запах привычно раздражал ноздри, а шум копошащихся крыс заставлял вздрагивать. В этой мрачной атмосфере нужно было долго идти вперёд, на еле заметный, тусклый отблеск свечи. Она зажигалась каждый раз перед встречей Ордена. Моргана не любила эти катакомбы, однако понимала, что только так можно было сохранить секретность. Под землёй все их разговоры надёжно похоронены. Так прячут нежелательные сорняки, показывая прополотое поле.

Она продолжала идти, чувствуя как холодная земля потрескивает под ногами. Эти звуки были подобны жуткой загробной песне. Вместе с шумом, который доносился сверху, они ста-

новились единой симфонией ночи: тревожной, но полной отчаянной красоты. Моргана то и дело ощущала воду, которая успевала превратиться в небольшие лужи, капая с потолка. Хлюпающий звук быстро отпугивал крыс, вновь возвращая женщину в пугающую тишину. Иногда от усталости она касалась стен рукой и тут же по её телу пробегала дрожь. От холодной земли ведьма будто подпитывалась силой. Ей нравился извечный холод почвы — здесь она никогда не прогревалась. Как и сама Моргана, эта земля никогда не менялась.

Ведьма наконец услышала голоса. Привычно разрозненные, эти звуки дополняли уже имеющуюся палитру. Среди них ведьма быстро могла различить каждого. Вот хриплый голос Брата Августа, а вот сиплый баритон Брата Лантье, был и женский. Он принадлежал Сестре Мадонне. Но одного голоса она сегодня не слышала. Голоса, который был самым важным в Ордене. Где же Брат Моньет? Неужели сегодня собрание будет проходить без него? Раньше он такого себе не позволял. Что же поменялось?

Моргана оказалась в малоосвещённой, плотно обставленной комнате. По её периметру стояли ритуальные доски, с древними символами, а также длинные столы со свечами. Тусклого света последних хватало, чтобы разве что выделить ближайшие объекты. На столах виднелись рисунки и надписи. Каждая из них хранила важное знание, была средоточием силы. Первые члены Ордена расписывали это дерево, стремясь таким образом сохранить знания и передать их последующим членам братства. Десятки букв складывались в странные слова, написанные на вымершем языке. В моменты ожидания, ведьма перечитывала эти письма. Каждое слово с грохотом отдавалось в её сердце. И она точно знала, что никогда не приминёт теми истинами, что были здесь изложены. Почти никакого света — только тени. Орден, скрытый во мраке, спрятанный в земле. Словно особый небольшой мир в бутылке, который незаметен глазу обывателя. Но здесь на дне копошились не просто мелкие жучки, а трудились настоящие боевые пчёлы, которые могли больно жалить. Повсюду были люди в капюшонах. Тёмные балахоны, едва заметные в полумраке, роднили их с живыми тенями.

— Сестра Моргана! Ты здесь. Я рад что ты пришла. Мы скоро начнём. Займи своё место.

— Где же Брат Моньет? — озадаченно поинтересовалась женщина.

— Он сегодня просил его не беспокоить. Кажется ему нездоровилось. Ты знаешь, он не любит говорить о себе. Считает, что дело Ордена важнее всего этого мирского. Нам впору учиться у него чистоте помыслов.

— Я не спорю с тобой, Лантье. Просто нет ли в этом нарушения Канона? Ведь все мы должны быть на собрании.

— Думаю, что Брат Моньет заслуживает особого отношения. В его взгляде всегда так много мудрости. Я не смею сомневаться в нём. А если посмею, то за такое нарушение Канона сразу же должен буду истязать себя.

— Это правда. Но позволь я всё же спрошу ещё раз. Брат Моньет вовсе не явится? Или же он придёт позже?

— Послушай. Ты не должна думать об этом. Мы ведь в святом месте. Здесь нет места сомнению. Вспомни как посвящают в Орден. Помнишь, что каждый из нас говорил, а?

— Клянусь оберегать и скрывать от посторонних глаз святой лик Ордена Теней, быть верной Братя и слушать их беспрекословно...

— Так и о чём же мы тогда говорим?

Моргана покачала головой, осознав, что не получит ответа на свой вопрос. Впрочем это никак не мешало ей верить. Она приходила сюда не за умными речами или тайными знаниями, здесь ведьма могла посвящать себя служению. В темноте их зала Моргана ощущала себя как никогда живо, чувствовала прилив силы. Её сознание в этот момент оказывалось на самой вершине удовольствия. Орден подпитывал её, подкармливал с рук как голодную волчицу. И в момент кормления лучше её не злить — иначе точно останешься без пальца.

Лантье присел с ней рядом. Его тон вдруг стал более мягким, успокаивающим. Он заговорил как крадущаяся кошка:

— Прости меня, Сестра. Ты знаешь, что я не желал тебе зла. Канон это всё, что у нас есть. И служить ему — святая обязанность каждого. Посмотри на Мадонну. Она смиренна.

Он обратил взор ведьму на сидевшую в углу светловолосую даму. Длинные прямые волосы придавали её образу особую нежность. Статная и прекрасная, она напоминала идеализированного ангела с древней фрески. Почти неземная красота даже раздражала Моргану. Ещё одна красавица в их Ордене? Ну уж нет. Она будет единственной.

— Откуда ты знаешь? Она же почти не говорит. Только и бормочет что-то под нос. Думаешь она ещё может трезво мыслить.

— Просто её вера самая чистая. И в отличие от твоей, никогда не подвергается сомнению. Такой и должна быть истовая Сестра.

— Полной дурой? — она нарочно произнесла это так громко, чтобы все слышали.

Все остановились и бросили на неё взгляды. Они не осуждали, а словно ждали что же ответит вторая женщина.

Мадонна однако молчала. То ли от того, что не знала, что сказать, то ли потому что боялась свою взрослую оппонентку. Светловолосая барышня вздохнула и продолжила смотреть куда-то в сторону. Тут Моргана увидела, что та не просто отвернулась, а держит за руку человека. Его почти не было видно в тени. Сгорбленная фигура старика терялась в этих тёмных лабиринтах под землёй. Ведьма встала со своего места и подошла ближе. В углу согнувшись сидел пожилой человек. Седые пряди выглядели совсем уж печально. Они были растрёпанные и сальные. Этот человек очень долго не знал доброты и помощи. В сердце Морганы что-то щёлкнуло. Неужели она даст слабину и позволит этому проявлению человеческой природы ослабить её.

Мужчина касался Мадонны слабыми худыми пальцами. Его внешний вид ужасал. Порванная одежда, босые ноги с волдырями и замученное лицо. Он был узником, рабом этого места. Моргана удивилась.

— Мадонна скажи же что-нибудь. Ты должна говорить! С тех пор как всё случилось ты молчишь.

— Я просто не хочу чтобы другие слышали.

— Ты стыдишься меня?

— Нет, отец. Это не так. Ты же знаешь.

— Скажи мне, когда тебя отпустят? Моньет что-нибудь говорил?

— Он лишь отвечает загадками. Я не знаю когда всё это кончится. Нужно ждать, отец. Только время нам поможет.

Из глаз девушки полились слёзы. Они нежной струйкой проследовали вниз по её щекам, образовав на земле небольшое озерцо. Это было горькое пристанище печали.

— Послушай, Мадонна, ты не должна сдаваться. Наше время ещё придёт.

— Они ведь били тебя. Я же вижу следы. Хоть ты и отрицаешь всё.

— Я не могу поступить иначе. Если такова цена твоей свободы, то пусть продолжают.

— Не хочу уходить без тебя. Если Моньет меня отпустит, то я вернусь за тобой. Пообещай, что не станешь отговаривать.

Хилый старик тоскливо улыбнулся. Он точно знал, что дочь обязательно покинет это место. Он сделает для этого всё. Мужчина провёл костлявой рукой по лбу дочери, поправив её белоснежные волосы. Она была его ангелом, единственным ради чего стоило жить.

— Как только тебя отпустят, беги не оглядываясь. И забудь обо мне. И обо всём, что ты тут видела. Найди хорошее место и хороших людей. Но ни в кое-случае не возвращайся. Мне в любом случае уже конец. Вопрос лишь в том, как это наступит.

Девушка крепко прижалась к отцу. Он ощутил её приятное тёплое прикосновение. От щёк Мадонны чувствовался жар такой силы, какая может растопить самый холодный лёд. Невыносимым было видеть её печаль, осознавать, что он сам является тому причиной.

— Моньет ведь великодушный человек. Он обязательно отпустит тебя. Я поговорю с ним ещё.

— Ты так ничего и не поняла про этих людей. Пока ещё есть возможность, тебе надо уходить. Оставаться здесь небезопасно.

— Я должна дождаться его разрешения. Без этого нельзя.

— Мадонна, ты должна оставить меня. Я уже не человек. Я часть этих стен. Умиравшая развалина.

— Я найду выход. Я вернусь с воинами. Мы освободим тебя.

Старик улыбнулся, он знал что так никогда не случится.

В их разговор вмешался Брат Август. Его хриплые интонации заставляли Мадонну вздрагивать каждый раз. Казалось он не говорит, а скребёт мечом по стене. Мерзкий звук, который звучал особенно отчётливо в тишине их обители.

— Ваше свидание окончено. Гантрانو отправляется обратно. Вы итак говорили больше чем нужно.

Девушка взмолилась, чтобы поговорить ещё, но грубый Август и не думал её слушать. Он взял старика за обрывки того, что когда-то было одеждой и потащил за собой. Тот даже и не думал сопротивляться. Он знал, что если будет подчиняться, то у дочери появится шанс.

Моргана смотрела на это всё с удивлением.

— И когда Моньет хотел нам об этом рассказать? — недовольно спросила ведьма у Августа.

— Этот старик пришёл сюда утром. Брат Моньет сказал проверить его. Убедиться, что он достаточно чист.

— Менять молодую Мадонну на немощного старика, которому всё равно не жить?

— Моргана, что на тебя нашло? С каких пор мы обсуждаем приказы Верховного? Разве не в вере ему нашла сила?

Она готова была взорваться от гнева. В глазах Морганы мелькнула вспышка, ещё немного и она всё здесь разнесёт.

Рослый Август, который стоял рядом с ней, не отличался большим умом. Его держали как зверя, которого удобно было натравливать на врагов. Жёсткий и не задающий вопросов исполнитель. Человек, готовый в два счёта позабыть о своей человечности.

Август отвернулся и повёл старика дальше вглубь их обители. Мадонна едва сдерживаясь смотрела, как его уводят. Старик Гантрانو тащился по земле, видя как из виду удаляется силуэт его дочери. Завершив свою работу, Август нащупал в кармане спелое яблоко. Он жадно откусил его — так смачно, что капли слюны брызнули на пол.

К Моргане в это время подошёл Лантье. У него всегда на всё было объяснение. Изящным лезвием лести он легко погружал в раны людей своё холодное спокойствие. Он мог убедить кого угодно в чём угодно. Даже Моргану, которая старалась изо всех сил не поддаваться его чарам.

Лантье задумчиво поправил свой капюшон.

— Послушай, Моньет знает что делает. Если она хочет уйти, то пусть идёт. Отец останется вместо неё. Родная кровь. Всё так как и должно быть.

— А что если он умрёт там. Август может задавить его как таракана и даже не заметить. Ты же знаешь как это бывает. А мёртвый он нам не нужен.

— Я думаю Брат Моньет проявил великодушие к Мадонне. Ей повезло. Пусть уходит, пока Верховный позволяет ей это.

— Да как ты не понимаешь. Кровь этой девицы чистая. С ней можно делать что угодно, — последнюю фразу Моргана произнесла шёпотом.

— Да это так. Старик нужен для ещё одного обряда.

— И что это будет? Только не говори, что мне нельзя этого знать.

— Тебе стоит быть менее вспыльчивой, Сестра. Я всё тебе расскажу. Но дай мне лишь пару минут.

Лантье жестом пригласил её в другую комнату, из неё открывался вид на слабо освещённый коридор.

— Старик будет хорошим залогом. Ты ведь не думаешь, что Моньет и впрямь так глуп, чтобы просто отпустить её?

Ведьма улыбнулась. Она в очередной раз убедилась, что порой делает поспешные выводы.

V

Морван вёл отряд, состоявший из воинов замка Шевалье. В основном уже поживших рыцарей, которым некуда было идти. Морван уважал их — многих он знал ещё по временам юности. Боевые товарищи однако так и не смогли возглавить войско, в отличие от него. Боевое братство составляли десять конников, двадцать лучников и двадцать пеших воинов. Не очень большой, но смелый отряд, за годы стал сплоченной командой. Они не только защищали замок, но и были своего рода семьёй. Воины всегда вынуждены жить отдельно от господ, жить в казарме, где из утвари лишь самое необходимое. Так что воздух свободы, возможность биться — всё это для них было частью того редкого счастья, которое они могли получать от службы. В глубине души Морван знал их печаль, понимал что не может вечно обещать им лучшую жизнь.

Начался сильный дождь, его тяжёлые капли быстро превратили дорогу в месиво. На земле появились огромные разводы, в лужах появились отражения проезжавших мимо воинов. Колонна двигалась медленно, поскольку воины равнялись на пеших бойцов, которые не могли идти слишком быстро. Грязь налипала на обувь и одежду — привычная вещь для тех, кто сам стирает и готовит себе еду. Они не боялись замараться, потому что уже не обращали внимание. Им в какой-то мере стало всё равно. В любую погоду они шагали вперёд, ведомые желанием прославить отряд и лидера, что вёл в бой. Каждый из них может и не был величайшим воином, но хорошо знал цену слаженному труду. Доспехи гремели, оповещая тех кто был поблизости о приближении отряда Шевалье.

— У тебя бывает чувство, что ты можешь не вернуться? — обратился к Морвану один из лучников.

— Я так часто его испытывал, что перестал замечать. Может быть я уже не вернулся и моя душа болтается где-то между мирами.

— Я часто думаю о том, чего бы я мог достичь, будь у меня один из шлемов. Даже с самым слабым из них.

Морван провёл рукой по своей лысой голове, смахнув дождевые капли. Его массивное тело, несмотря на лишний вес на добрую половину состояло из мышц. Он был силён как кабан, но и также прожорлив.

— Едва ли ты удержишь такую силу. Многие думают, что шлем это просто игрушка — быстрый способ получить власть. Но разве всё может быть так легко?

— О чём ты болтаешь?

— Я думаю все мы забываем о том, какая сила запечатана в них. Та великая власть, что дана избранным — результат труда величайших кузнецов.

— Думаешь легенды не врут? Это действительно настолько сильные дары?

— Это не дары. Шлемы как проклятие. Носить один из них — великая боль, облачённая в настоящее могущество. Только надев, в одно мгновение становишься вечным слугой войны.

— Значит будь он у тебя, отказался бы от силы? — коварно спросил лучник, чуть ускорившись, чтобы продолжать беседу с Морваном, который обгонял его на коне.

— Я такого не говорил, — улыбнулся тот.

Вдалеке виднелись очертания небольшой деревни. Маленькое поселение будто постепенно росло на глазах. Появлялись невысокие косоватые дома, деревянные заборы и изгороди. Начинали доноситься звуки мирной жизни. Кто-то доставал воду из колодца, кто-то пилил дерево. Дети резво бегали по траве, кричали что-то, играя в рыцарей.

— Просто все думают, что им это под силу. Я считаю что это не так. Все не могут быть одинаково умны и достойны. Шлем сам выберет, кто по-настоящему заслуживает носить его. Такую силу стоит искать только тому, кто готов положить жизнь за безграничную власть. Я

готов, но слишком стар. Мне не удастся прославить этот шлем. И мало кто в действительности способен справиться с заложенной внутри него силой.

— Я слышал от торговцев, что есть и пятый шлем.

— Думаешь не брешут? — лысый военачальник уставился на своего собеседника, пытаясь убедиться насколько правдивы его слова.

— Кто их знает. Они только и умеют, что драть втридорога за краденое, да языком молоть.

— Некоторые считают, что кузнецы обладают особым даром — вкладывать свою силу в изделие. Многие вещи, которые создаются искусными мастерами, хранят их отпечаток. Сильные эмоции, истинная боль, кропотливый труд — всё это рождает настоящие произведения.

— Произведения?

— Предметы искусства.

— Ты хочешь сказать, что человек способен выковать шлем равный по силе Красной Короне или Чёрной Скале? — удивился лучник.

— Я думаю, что если это так, то он уже есть. И однажды мы увидим его силу.

— Когда отец ушёл с тобой в крестовый поход, мне было слишком мало лет. Хотя я просился в бой.

— Помню тебя. Всё же думаю он запретил тебе идти не из-за возраста.

— Тогда почему? Я уже был умелым стрелком. Любая мишень могла мне поддаться.

— Он просто любил тебя и хотел, чтобы ты жил. Чтобы хотя бы в твоей жизни были светлые моменты.

— Бой для воина и есть свет. Это то, ради чего мы живём.

— Наверное твой отец хотел дать тебе немного больше, чем было у него. Простое родительское желание.

— Он положил жизнь на борьбу с шакалами. А я лишь прислуживаю Кристофу и тебе.

— Ты же знаешь, я никого не держу силой. Можешь уйти, но я знаю, что как только ты пропёшь своё жалование — захочешь вернуться. Мы знакомы с тобой уже столько лет. Ты привязан к этому отряду, как и я. Я мог бы отсиживаться с Кристофом и Морганой, всё время делая вид, что я часть их общества, но я здесь, с вами, с тобой. Вы часть моей жизни. Каждый из вас мне дорог. И намного больше, чем любой из тех, кто сидит в замке.

— Поэтому-то Морван ты наш лидер.

В это время неподалёку расположился небольшой отряд воинов. Они были одеты как обычные крестьяне: лохмотья едва ли могли защитить их от удара. Однако помимо них было и несколько загадочных людей в мантиях. В лагере пахло потом и кровью — раненые воины изнемогали от боли, пока полевой врач пытался привести их в прежнее боевое состояние. Рядом валялись многочисленные грязные тряпки, пропитанные алой кровью настолько, что казалось состояли из неё. Стоны калек перебивались разговорами «целых», которые ещё только собирались превратиться в груды мяса. Их голоса были полны отчаянного оптимизма. Каждый готовился умереть в бою, исключая любые другие исходы.

К сидевшему поодаль воину подошёл одетый в чёрную мантию человек. Его лицо было отчасти скрыто тенью, создавая зловещий вид. Эта деталь делала обладателя капюшона особенно пугающим. Мужчина, который сидел и точил меч, с некоторой неохотой повернулся к тому, кто подошёл. Человек в мантии произнёс:

— Орден желает, чтобы вы выступили уже сейчас. У нас нет времени залечивать раны.

— Я это и без тебя знаю! — рявкнул воин.

— Не вынуждай меня обращаться к остальным. Ты знаешь, их наказание будет суровым. Мы оба этого не хотим.

— Это ведь я ношу этот шлем. Я рискую жизнью. Столько моих воинов полегло. Но тебе и Ордену нет до этого дела.

— Ты знаешь, Орден даёт тебе святое право — направляет в трудный час. Не забыл, что все мы служим общему делу?

— У вас своё дело, а у меня своё. Кровь на поле боя проливаю я и мои воины. Вы же здесь пока у меня не кончится терпение.

— Можешь дерзить как угодно. Но правила тебе известны. Не я писал эти законы, но уважать их клялся лично.

— Как только мы разберёмся с Шевалье, твои услуги больше не понадобятся. И уж тогда будь уверен, что я буду делать с каждым из вас что захочу.

Человек в мантии покраснел от злости. Дерзость этого человека поразила его в самое сердце. Говорить такое, зная что останешься безнаказанным, немыслимая наглость.

— Попробуй сказать такое остальным. Посмотрю как у тебя это выйдет.

Воин встал, подняв меч. Почти два метра роста предстали перед невысоким человеком в мантии. Рыцарь нарочно замахнулся, чтобы его напугать. Тот понимал, что дело не дойдёт до настоящего удара, однако всё равно уклонился, чувствуя как холодный пот пробегает по лбу.

— Склонились перед Чёрной Скалой, жалкий орденосец!

Воин надел на себя шлем. Это был величественный головной убор, который привлекал внимание своей удивительной формой. Он и впрямь напоминал отвесную скалу. Шлем был украшен традиционными элементами. Обод располагался на краю шлема, а тулья составляли остальную часть. Через небольшие отверстия можно было дышать и видеть вокруг. Ниже находилась кольчужная бармица, что закрывала нижнюю часть головы и шею. Науши защищали воина по бокам, а назатыльник — голову сзади.

— Ты так смел, пока есть этот шлем, но помни, как только оступишься — мы найдём другого воина. И уж тогда ты будешь валяться у меня в ногах.

— Будь уверен, в этот момент я буду ползать в поисках кинжала, которым раскрою тебя.

— Какое скотство! Неужели ты настолько не принимаешь правила игры.

— Эти правила придумал не я.

— Но ты не можешь их игнорировать. Не тогда, когда на кону триумф нашего графства! — завопил орденосец.

— Брат Пуантье, лучше убирайся сам. Мне не о чем больше с тобой болтать. Меня ждут дела.

— Если не выступишь сегодня, то можешь попрощаться с титулом.

— Забыл добавить — и с жизнью.

— Это уже не я решаю.

— Конечно, такой бесполезный раздатчик советов и не может ничего решать.

Несколько воинов заметили этот странный эпизод, гадая о чём же идёт речь. Орденосец ушёл, оставив рыцаря в гордом одиночестве. В воздухе запечатлелся запах тревоги. Воины готовились к новой битве. Их влекло незримое нечто. Особое чувство радости, перед разверзнутой пастью зла. Они хотели туда упасть, вновь пощекотать нервы. Намеревались испытать себя, в очередной раз сыграть в опасную игру с неизвестным исходом.

Чёрная Скала, а именно так он звался в честь шлема, который носил, гордо оглядел бойцов. Каждый из них был полон какого-то сумасбродного оптимизма. От их отчаянного желания драться у него теплело на душе. Он знал, что каждый из них готов умереть сегодня — отдать жизнь за общее дело. Знание это давало ему надежду на то, что однажды всякий воин получит капельку счастья, кусочек той самой победы, которую они пришли ковать.

Чёрная Скала скомандовал построение. Воины беспрекословно выстроились в ряд. Некоторые бойцы были ранены, один из них и вовсе собирался драться без руки. Военачальник не стал их останавливать. Он знал, что для каждого будет честью хотя бы попытаться выжить в будущей бойне. Усталые и голодные до войны, эти люди составляли его войско. Он был уверен

в каждом, как в себе. Смотрел в их горящие глаза, веря им всецело. Подняв свой внушительный меч в воздух, он скомандовал отправляться в путь — на бой с войском Шевалье.

Члены Ордена стояли неподалёку, седлая лошадей. Они не собирались участвовать в битве. Хотели лишь понаблюдать со стороны, оценить обстановку из безопасного места. Они никогда не действовали напрямую, а лишь направляли руку воина, который вёл рыцарей вперёд. Орден не мелочился по пустякам, их силами уничтожались целые армии.

Морван слышал стук подков. Огромная армия двинулась им навстречу. В воздух поднялось огромное облако пыли. Через него, как сквозь туман, помчались воины Чёрной Скалы. Десятки полных ненависти существ. Кто на коне, кто своим ходом. Все они рвались в бой. Свирепствовали, в ожидании схватки.

Толстяк скомандовал отряду Шевалье обороняться. Воины приняли боевые стойки. Буквально за секунды спокойно отдыхавший отряд превратился в единый слаженный боевой организм. Это был щит, сотканный из десятков отважных солдат. С трепетом они ждали вражеских ударов, полные решимости отразить каждый.

Лучники открыли огонь. Воины отряда Морвана славились особой меткостью. Многие битвы им удавалось выиграть именно благодаря ослаблению противника обстрелом из луков. Вражеский отряд продолжал стремительно лететь вперёд. Стрелы быстро выводили врагов из строя. Почти треть отряда их противника сразу же была обездвижена. Раненые мужчины вопили, кровь обагрила траву. Их лица, полные ненависти, и в пыли, источали настоящую злобу. Лучники радовались, думая что битва закончится так и не начавшись. Однако всё было не так просто.

Морван с опаской поглядывал на дальний холм. Там затаились воины — та часть отряда врага, которая и была основной силой. Десятки лучших бойцов, закованные в железо. Именно их военачальник всерьёз опасался. Толстяк скомандовал приберечь стрелы. Вперёд помчались конные войска. Они быстро расправлялись с противниками. В воздухе стоял гул, в котором смешались удары, визги раненых и шум природы. Симфония боя звучала пронзительно, прошибала насквозь.

Морван с небольшой группой поскакал вверх, чтобы дать отпор второй группе противника. Лучники уже почти справились со своей задачей. Им оставалось только сохранить за отрядом Шевалье этот участок земли. В случае неудачи наверху, это было бы хорошим подспорьем для отхода.

Толстяк увидел очертания фигур рыцарей, что стояли на холме. Те поняли, что больше нет нужды скрываться. Они ринулись навстречу прибывшему отряду Морвана. Толстяк не торопился, оценивая ландшафт. Они ехали в гору и находились в не самой выигрышной позиции. Среди воинов противника Морван наконец приметил того, кого ожидал увидеть.

Чёрная Скала. Он был здесь. На шлеме зияла небольшая выбоина. Морван помнил про выбитый фрагмент. Его мучил только один вопрос: «Кто мог быть настолько сильным, чтобы нанести такой удар?». Наконец они поравнялись. Морван видел, как из выбоины виднелась полоска кожи воина. В эту секунду толстяк мечтал нанести в это место молниеносный удар. Однако Чёрная Скала опередил его. Лезвие его алебарды мгновенно впилося в плечо Морвана. Тот упал и больно ударился о землю. Его тело тут же покрылось пылью. Мягкая трава на холме немного смягчила падение. Морван однако тут же встал и достал топор для ответного удара. Он ждал следующей атаки, чтобы понять дальнейшие планы противника.

Чёрная Скала замахнулся вновь, однако на этот раз не попал. Морван подбежал к лошади, чтобы вернуться в седло — оставаться на земле было смертельно опасным, поскольку алебарда Чёрной Скалы была практически ростом с толстяка. Морван воспользовался моментом, чтобы нанести удар своим тяжёлым оружием. Топор грубо вошёл в бок рыцаря. Однако он едва ли почувствовал это, поскольку броня приняла на себя удар. Морван серьёзно погнул его доспех, тем самым обозначив ещё одно место для потенциального удара.

Чёрная Скала ударил сверху. Толстяк успел заблокировать этот выпад топором. По лбу Морвана текли огромные струи пота, из-за них он почти ничего не видел. Руки слабели, сдерживать напор было непросто. С каждой секундой силы оставляли его. Молодой воин же, казалось, бодр как и в самом начале.

Силы толстяка иссякли и он отскочил вниз, вновь оказавшись на земле. Чёрная Скала вдруг спешился. Взвесив в руке свою алебарду, он сделал шаг к Морвану. Тот лежал на боку, сжимая в руках топор. Падение обернулось для него сильной болью. Он почувствовал как вывихнул ногу. Чёрная Скала сделал ещё один шаг. Морван из последних сил опёрся на топор, чтобы встать. Внутри всё горело от боли. Будь он юнцом, то немедленно бы завыл как волк. Но Морвану было уже далеко за пятьдесят. Его не пугали никакие раны и травмы. Он шёл вперёд, словно подчиняющееся инстинктам животное.

Рядом расположилось несколько воинов. Они истекали кровью. Один из них опёрся о камень, чтобы встать, но не сумел, оставив алые следы на булыжнике. Они остались там как память об этой битве. На холме воинов Морвана ждала настоящая жестокая расплата. Их нещадно били копьями и мечами, выбивая из седел. Столпы пыли, казалось, не успевали опуститься, ведь каждую секунду новое тело с грохотом валилось на землю. Не было слышно птиц, затихло всё — звучал лишь грохот железа и крики мертвецов.

Чёрная Скала вновь сделал замах, на этой раз намереваясь сбить толстяка с ног. Ему не удалось осуществить задуманное — Морван нашёл в себе силы отскочить. Нога неистово болела, но он двигался, игнорируя боль. В голове всё стучало, больше всего ему хотелось остановить этот стук: звуки ударов заставляли его тело подрагивать.

Морван вновь ударил в то же место. На этот раз противник хорошо ощутил удар. Пробоина стала больше. Сталь топора наконец задела кожу врага. Кровь тут же хлынула из раны. Он попытался закрыть её, однако под рукой не было ничего подходящего. Толстяк встал перед выбором. Сейчас он мог нанести ещё несколько ударов и быть может даже убить врага. Однако была и возможность уйти. С вывихнутой ногой у него было мало шансов. Морван отчаянно подгонял себя. Он знал, что каждая секунда может стать последней. Ему не хотелось отступить, но ситуация сама подсказывала ему.

Толстяк глубоко вдохнул и словно зверь влетел в ноги врага, повалив его на землю. Чёрная Скала упал. Морван размахнулся, намереваясь ударить топором, однако не удержался на ногах — подвёл вывих. Враг попытался подняться. Толстяк видел то, что осталось от отряда. В его сердце заиграла тоска. И что он скажет жёнам и детям этих парней. Как будет смотреть в глаза? Сможет ли признаться, что струсил и сбежал? А с другой стороны, мудро ли лезть на рожон и совершать новую атаку, когда шансов на победу почти нет?

Тут толстяк приметил людей Ордена. Они как стервятники наблюдали за боем. Их лиц было не видно. Все они являлись частью одной силы, элементом системы, которая скрывалась в тени. Морван увидел неподалёку одного из своих воинов. Тот лежал замертво. Молодое лицо исказилось от нескольких ударов меча. Его было почти не узнать. Толстяк взял его копье и швырнул в сторону людей Ордена. Он ненавидел их холодное невмешательство. Все они были словно мёртвые, когда как умирающих соратниках он всегда видел истинное стремление к жизни.

Ему дали уйти с остатками отряда. Морвану было мерзко даже от этого. Их показное милосердие задевало его до глубины души. Он считал, что лучше уж погибнуть в бою, чем закончить его побеждённым. Раненный лучник, с которым они ещё недавно говорили, плёлся в конце отряда. В глазах его толстяк прочёл горькую истину — Шевалье больше не располагает самой сильной армией. Былые славные времена громких побед прошли.

VI

Жак увидел впереди силуэт. Это был сгорбившийся мужчина лет шестидесяти. В его руках сверкала лопата. Он что-то усиленно закапывал, говоря сам с собой. Жак подъехал чуть ближе, чтобы узнать кто перед ним. Спешившись рыцарь медленно повёл коня за собой. Животное качало голову и громко топало, от чего старик буквально сразу понял, что к нему приближаются гости. Доспехи с собой Жак не брал — охотиться в них было не так то просто. Жак наконец смог его рассмотреть. Морщинистое лицо, взгляд полный доброты, мозолистые ладони — всё это складывалось в единый образ немолодого мудреца.

Старик старательно закапывал яму. Жак понял, что перед ним могильщик. Движения старца были монотонными, почти не живыми. Он делал это уже не в первый раз. Запах свежей земли бил в ноздри, заставляя немного съёживаться. Недавний дождь принёс сырость, дополнив печальный вид картины.

— Чья это могила? — спросил Жак, вглядываясь в очертания ямы.

Старик бросил очередную горсть вниз и повернулся к рыцарю.

— Хорошего человека.

— А как вы поняли, что он был хорошим?

— Я видел его глаза.

Жак улыбнулся. Эти слова напомнили ему одну из картин войны. Тела товарищей лежали повсюду. Бой был окончен, однако почти некому было идти дальше. Жак вглядывался в лица людей, которые ещё несколько минут назад светились жизнью. Теперь от них исходило лишь безмолвие. Страшная и всеобъемлющая тишина. Жак видел их глаза, исполненные доброты и человечности. Он мог сказать так много о каждом, но едва ли мог в тот миг промолвить хоть слово.

— И всё же кто он?

— Несчастный путник, как и все мы, искавший истины.

— Что с ним случилось?

— Похоже что на него напало крупное животное. Таких опасных существ я ещё не встречал.

— О чём это вы? — Жак подумал об олене, которого не так давно пришлось убить, спасая сына.

— Он был весь в странных ожогах и с синяками.

— Вы уверены, что это было животное? Может его пытали люди?

— Те, кто заслужил право называться людьми, не совершили бы такое. Рядом были следы копыт. Похоже на оленя и лося. Крупное животное, да ещё и очень тяжёлое, судя по глубине следа.

Жак задумчиво глядел в сторону леса.

— Такого зверя не каждый сможет одолеть. Разве что Белая Ворона или Жёлтый Месяц.

— Кто это?

— Древние шлемы. Точнее так называют тех, кто их носит. Есть ещё два. Я слышал, что их обладатели вновь объявились на этих землях.

— Ничего не понимаю. Какие ещё шлемы...

— Люди болтают что когда-то был найден источник силы, из которого были созданы четыре шлема: Красная Корона, Чёрная Скала, Жёлтый Месяц и Белая Ворона. В каждом была частица той энергии. Говорят, что обладатель шлема почти неуязвим. Особая сталь придаёт им силу, с которой мало что сравнится.

— Но разве всё это не легенды? — с сомнением произнёс Жак.

— Трудно разобрать. Ты можешь всю жизнь искать, но так и не найти, а можешь случайно наткнуться на то, что не искал никогда.

— Мне это знакомо.

— Ты был в крестовом походе, как я вижу...

Жак вздрогнул.

— Как вы поняли?

Старик заулыбался.

— Просто угадал. Магией я не владею, можешь быть спокоен. Использовать запретные силы не моя стезя. Сам видишь, чем я занимаюсь. Собственная жизнь уже прожита, душа спокойна. И сейчас я тружусь ради успокоения других.

— Значит ты всё же нашёл, что ищешь.

— Я никогда специально не искал. Иногда плыть по течению самое верное.

— А как же долг, как же честь? Разве не они определяют нашу жизнь? Разве не в них и есть весь смысл?

— Так говорят солдатам. Но я думаю всё немного иначе — на кладбище все равны. Кто-то умер быстро, кто-то мучался месяцами. Мы не можем на это повлиять. Но вот что нам подвластно, так это то, как эту жизнь прожить. Я радуюсь каждому дню, потому что не знаю большей благодати, чем безмятежность лесов. А что же радует тебя...

— Жак, — быстро ответил тот. — Пока я был в походе, не переставал думать о семье. О сыне и жене. Я должен принести им славу. Должен сделать так, чтобы они гордились мной.

— Разве это главное? — снова улыбнулся старик. — Посмотри сюда. В этой могиле человек, только он, никаких украшений, денег, ничего. Только тело. С собой он мог взять лишь то, что хранил в сердце.

— Вы всё время говорите о смерти. Я ещё молод, чтобы об этом задумываться. У меня есть время, чтобы подарить моим близким возможность жить лучше, обеспечить их всем чем нужно. Этого я хочу.

— Что же. Я не стану с тобой спорить, Жак. Главное будь там, где нужен. Найди это и не отпускай.

— Вы заботитесь о мёртвых, но я ещё задержусь в мире живых. У меня много дел на этом свете.

— Тогда торопись.

— И всё же почему вы этим занимаетесь? — напоследок спросил Жак, уже предчувствуя что его собеседник ответит очередной мудростью.

— Больше некому, — коротко ответил старик и продолжил работу. — Только Вальтеру из семьи Лантруш есть до этого дело.

Жак почувствовал странное удовлетворение от их разговора. Голос старика звучал успокаивающе. Он был абсолютно безмятежен в своих речах, в то время как внутри Жака всё пылало. Он оседлал коня и отправился дальше, снова погружившись в длинную полосу леса. Между деревьев шумела жизнь, мелкие животные скакали по ветвям, а крупные таились где-то в чаще. Воздух пах мокрой листвой и мхом. Капли влаги неохотно стекали вниз, превращая лесную тропу в мало понятное месиво.

Жак вновь спешил, намереваясь исследовать ближайшие просторы. Ему было неприятно от мысли, что он будет охотиться, чтобы прокормить семью, а не ради выживания отряда. За время крестового похода рыцарь почти в совершенстве овладел навыками стрельбы из арбалета. Каждый выстрел стал отточенным, словно удары грома. Однако он давно не охотился в этих местах. Нужно было изучить местность, понять какие животные обитают поблизости. Он вслушивался. Звуки леса переплетались с его дыханием. Полное умиротворение — то что нужно, чтобы сосредоточиться на поиске добычи.

Жак привязал коня к крепкому дубу и отправился в чащу. Он осторожно раздвигал ветви, которые так и норовили расцарапать ему лицо. Назойливые насекомые звенели под ухом, вызывая раздражение. Жак долгое время их игнорировал, однако чем дальше проходил, тем сильнее негодовал. Зуд от укусов начал настигать его. Места нападения насекомых стали краснеть и покрываться волдырями. Он подумал о том, что сегодня эти летающие убийцы были особенно безжалостны — кусали с непривычной силой.

Жак взвыл. Вся эта неприятная история затягивалась. Ему хотелось умыться, хоть ненадолго избавиться от назойливой проблемы с хоботком. Наконец он прорвался через злополучный рой и оказался около небольшого ручья. В его водах отражалось лицо путника. Он с ужасом увидел покрасневшее от укусов лицо. А ведь ему ещё возвращаться домой — как в таком виде показаться семье?

Он потянул руки к воде, чтобы набрать немного и умыться. Запустив руку в ручей, Жак почувствовал приятное облегчение — ледяная вода мгновенно смягчила зуд. Затем он умыл ей и лицо, которое стало напоминать побитый овощ. Вода приятно журчала, как бы весело здороваясь с путником. Жак подумал о том, как давно молча не созерцал красоту. Вода просто текла по своим делам, приятно шумела. Он глядел за этим с детским воодушевлением. Умиротворённость места казалось передаётся и его душе.

Многие месяцы он боялся рек и ручьёв, держался вдали от озёр и морей. Ведь всякий раз подходя к ним видел тела. Тех кто навсегда покинул мир, тех кто поплатился жизнью в жестоком крестовом походе. Они безмятежно плыли, изредка подгоняемые течением и ветрами. Он помнил их лица, полные боли или безразличия. Каждый из них когда-то был жив, ходил по земле, видел красоту и страдания. Но их время ушло. Кто-то другой занял их место, вытеснил из незримой цепочки существования. Жак много думал об этих людях, что стали лишними на земле. В глубине души он знал, что никто из них не может в действительности быть отвергнутым судьбой. Просто чья-то гордыня оказалась сильнее гуманизма, просто чья-то рука держала меч крепче. Все они чьи-то сыновья и мужья, деды и прадеды — живые люди со своими причинами, чтобы вершить дела на земле.

Жак набрал немного воды во флягу, чтобы утолить жажду. Вкус был приятный. Холодная свежесть всегда отличала эту воду от всякой другой. В голове всплывали воспоминания о детстве и играх около воды. Тогда любой ручей казался больше. Жак подумал, что нужно напоить коня, но понял как сложно будет провести его сквозь ветви и рой насекомых. Тогда ему пришло в голову поискать проход с другой стороны. Он переступил через ручей и осторожно побрёл по небольшой тропе. Жак ступал осторожно, чувствуя как периодически проваливается во что-то мягкое. Почва стала заметно податливее, под травой предательски прятались засасывающие силы болота. Стало ясно, что он проваливается вниз. Тогда Жак попробовал вернуться обратно, выбрав неприятный путь через ветви и насекомых. Однако выбираться из плена трясины было непросто. Ему казалось, словно невидимые руки хватали его и тянули на дно. Сам лес будто пытался остановить путника.

Жак попытался использовать меч как опору, вонзая его в землю. Однако везде было слишком мягко и ничего не выходило. Он отчаянно отталкивался, чтобы выскочить из болота. Вязкие пути продолжали затягивать его. Тело начало трясти от судороги, Жак терял контроль над собой. Он проклинал своё решение пойти здесь и не знал, как теперь выбраться. До последнего рыцарь откладывал попытки позвать на помощь. Сначала это казалось ему глупым и нелепым, но затем уже приобрело характер вынужденной меры. Жак кричал, однако никто не откликнулся. Он с надеждой звал, ожидая что хоть кто-то придёт на подмогу. К несчастью, рыцарь забрался очень далеко в лес. Вероятность того, что ещё кто-то решился пойти сюда — почти нулевая. Жак не мог поверить, что попал в такую идиотскую ситуацию. Ему даже стало смешно. Только будучи ребёнком он отваживался на такие авантюры.

Он вновь закричал, чувствуя как уже болят связки. Только бы кто-то услышал. Если не крик о помощи, то хотя бы просто шум. К его удивлению это сработало.

Из глубины леса послышался шум. По быстрому и ритмичному топоту Жак сразу же понял, кто идёт ему на выручку. Верный конь услышал его и пришёл помочь. Животное отважно прорывалось сквозь все препятствия. Теперь важно было не дать ему подойти слишком близко. Конь наконец оказался рядом с ручьём. Однако он не стал пить, а продолжил двигаться на голос хозяина. Жак уже знал, что спаситель рядом. Это его подбодрило.

Наконец четвероногий друг оказался неподалёку от него. Жак тут же всеми силами попытался дать ему понять, что дальше идти не нужно. Он тряс головой и махал руками. К тому времени вся одежда Жака испачкалась в грязи и тине. Его едва можно было узнать. Однако конь его послушался. Жак осторожно приманил его поближе, затем нащупав в кармане верёвку, попытался накинуть её на удила. После неудачи рыцарю пришлось изменить тактику. Он попробовал кинуть верёвку вновь, но только теперь прямо в ноги животному. Жак пытался дать ему понять, что нужно взяться за неё зубами. Конь немного подумав таки схватился.

Теперь нужно было правильно скомандовать, чтобы животное тащило его прочь из болота. Жак пытался показать это головой, мотал ей. Конь спокойно принялся её тащить, однако делал это слишком медленно. Нужно было как следует потянуть, чтобы выволить из трясины хозяина. Жаку пришлось приложить немало усилий, чтобы достать из-за спины один из болтов для арбалета. Рыцарь швырнул его. Болт пролетел рядом с конём и немного того напугал. Жак тут же воспользовался этим, поскольку животное мгновенно испугавшись ринулось назад. Силы хватило чтобы вытянуть хозяина до пояса. Дальше он уже смог самостоятельно схватиться за камень и вылезти целиком.

Жак ещё никогда не был так рад приходу своего верного коня как сейчас. Животное с удивлением обнаружило, что хозяин теперь свободен.

— Этой тропой мы точно с тобой не пойдём! — заключил Жак, смахивая со лба гигантские капли пота.

Весь покрытый грязью и уставший, он тем не менее радовался освобождению. Они побрели к ручью, где Жак решил постирать свою одежду. Конь в это время с нескрываемым удовольствием наслаждался возможностью напиться воды.

VII

Делакруа проехал немало, прежде чем увидел ту самую тропу, которая вела к дому Жака. Он почти не чувствовал усталости. Казалось, что невидимая сила поддерживает энергию внутри него. Делакруа видел величавые деревья, стоявшие в ряд как солдаты. Они приветствовали его шелестом листьев. Он любил этот звук — музыка свободы, которая звучала за пределами замка. Воин то и дело замедлялся, проверяя нет ли на тропе свежих человеческих следов. Но пока попадались лишь отпечатки оленей и шакалов. Их следы были аккуратными, как взмах кисти в руках художника. Делакруа визуализировал их в голове. Представил, как лапы и копыта ступали по этим местам, пытался понять, что же ими двигало: куда шли, что искали и о чём думали. Он точно знал, что животные разумны. В противовес тому, что многие относились к живым существам лишь как к пище, Делакруа искренне восхищался многими их качествами. Особенно его удивляли те сигналы, что они подавали друг другу. Каким-то образом за доли секунды им удавалось договориться, почувствовать то, что даже не произносилось вслух. А ещё их забота друг о друге. Чудесная, почти сказочная преданность. Если один шёл на смерть, то остальные без раздумий следовали за ним. Обычно такое поведение списывали на инстинкты, но Делакруа верил в то, что это не случайное поведение. Он знал — эти существа совершенно осознанно делали то, что делали. Их разум — вот, чем прежде всего восхищался рыжеволосый воин.

По пути Делакруа встретил некого Вальтера Лантруша, тот поведал, что видел рыцаря Жака не так давно. «Наверняка это тот самый человек» — подумал воин. Поблагодарив странноватого старика-могильщика, Делакруа двинулся в указанном направлении. Дорога начала становиться всё менее проходимой. Болота были всё ближе, почва становилась мягче. Делакруа пришлось вести коня совсем медленно, чтобы избежать любых недоразумений. В такой топи одна ошибка может стоить жизни. Второго шанса тряпина никому не даёт.

В толще болота что-то поблёскивало. Делакруа стало любопытно. Он спешил, чтобы посмотреть поближе. Воин осторожно подкрался к источнику сияния. Делакруа обнажил меч и краешком лезвия дотронулся до светящегося шара. В эту секунду до него дошла неприятная догадка — это не магическое устройство или артефакт, а глаз. Глаз огромного существа, который выглядывал в поисках новой жертвы.

Делакруа побледнел, когда существо показалось из толщи. Оно было больше, чем он мог себе вообразить. Чудовище буквально занимало целый водоём. Большое и свирепое, оно истекало слюной. В странных и непривычных глазу чертах едва ли можно было узнать внешний вид животного. Наконец показался и второй глаз, который немного отличался. Один следил за горизонталью, а другой за вертикалью. По рту и ноздрям Делакруа узнал в этом существе жабу. Большое, склизкое нечто. Но почему такая огромная? Что заставило её видоизмениться? Неужели магия? Но зачем кому-то проводить рискованные эксперименты, тем более в болотах, где любая зараза мгновенно уничтожит всё живое или превратит в себе подобное.

Жаба издала громкий, просто оглушительный звук. Ударная волна буквально сбивала с ног. Делакруа почувствовал, что его сносит. Воин поскользнулся и упал в болото с отвратительным хлюпающим звуком. Это напоминало то, как клокочет в костре закипающее варево. Рыжеволосый едва смог выбраться. Попавшая в рот жижа была им быстро выплюнута. От неё ещё долго потом жгло язык и губы.

Жаба повторила свой звуковой удар. Делакруа откинуло к его коню. Воин больно ударился о бедро животного — костью прилетело прямо в голову. На несколько секунд он потерял ориентацию в пространстве. Всё закружилось, образы леса начали переплетаться с какими-то воспоминаниями из головы. Жаба сделала прыжок, затем приземлилась своим огромным весом подняв волну болотной жижи. Омерзительная субстанция хлынула в сторону Делакруа.

Конь завопил, недоумевая от пугающих звуков и приближающейся жгучей жидкости. Животное задёргало головой, как бы говоря хозяину, что опасность вот-вот настигнет его.

Делакруа приоткрыл глаза. Голова всё ещё гудела от предыдущей атаки чудовища. Мерзкая жаба начала плевать чем-то склизким. Но это была уже не такая же зелёная болотная жижа, а что-то что осталось от её былой сущности. Капли слюны попадали на маленькие островки травы, но не долетали до Делакруа. Воин собрался с силами, чтобы встать — это было не так просто, ведь под ногами была всё та же засасывающая трясина, но тут же свалился обратно. От болота исходил ужасный запах, который напоминал одновременно зловоние гниющей еды и испарения от трупов. Поэтому от такой вони глаза начинали неистово слезиться. Делакруа почти ничего не видел, и инстинктивно начал полужёла двигаться. За спиной было неизвестно что, но впереди только опасность. Он выбрал отступление. Встать пока не получалось. Конь следовал за ним. Делакруа хотел оседлать его, но силы не хватало. Болотная жижа сковывала тело.

Жаба сделала новый прыжок. Новая волна отвратительной субстанции полетела во все стороны. На некоторые деревья попало так много, что остались чёрные следы. В эту минуту казалось, что ничто в мире не сможет помешать этой гигантской твари. Она одним шагом способна была уничтожать целые лесные поляны, что ей стоило раздавить какого-то человека и его коня? Делакруа ещё очень повезло, что он жив.

Воин дополз до более твёрдой поверхности. Он отряхнул с себя болотную грязь. Она оставила ожоги на открытых участках кожи и прожгла часть одежды. Но Делакруа был жив и понимал, что это шанс побороться за возможность уйти. О победе он и думать не мог. Слишком крупный враг. Такие существа покорятся лишь целой армии.

Воин наконец смог залезть на коня. Его тело сильно покраснело от множества мелких ожогов. Он мог бы потратить время на поиск трав, чтобы залечить маленькие раны, но предпочёл поскорее убраться. В воздухе запахло сыростью, приближался дождь. Ещё несколько минут и к болотной жиже добавятся ещё и расквашенные лесные дороги, тогда уж ему точно отсюда не выбраться.

Он стремительно помчался, уворачиваясь от комьев грязи, летевшей из-под ног коня. Но всё это было неважно, Делакруа гнал во весь опор, чтобы не дать жабе себя сцапать. Та тем временем кажется потеряла жертву из виду, её причудливое зрение сыграло с ней злую шутку.

Жаба чуть растерянно вертела головой. Тот, с кем она затеяла опасную игру, исчез из поля зрения. Чудовище вновь использовало свой громкий голос. От него крупные деревья начали пошатываться, а мелкие переламывались пополам. Листья и сломанные ветви летели кругом, оставляя деревья голыми и не защищёнными. В их тоскливом шатании чувствовалось нечто предвещающее беду. Жаба двинулась по лесной тропе, сбивая на своём пути любую преграду. Испуганные животные убегали прочь, а взволнованные птицы устремлялись к небу в поисках безопасного места.

Франческа взглянула на сына. Оливер возился с козой в доме. Животное не хотело выходить на прогулку. Мальчик всеми силами пытался вытолкнуть Клару на воздух. Комичная картина повеселила женщину. Она впервые за день улыбнулась, наблюдая как сын дурачится. Видя его радость, Франческа и сама немного приободрилась. Улыбка ребёнка будто подпитывала её, давала приток жизненных сил.

Мама взяла с печи кувшин. Он был довольно глубокий, с уже заметными потёртостями — служил семье не первый год. С ним она направилась к сыну, который продолжал возиться с козой.

— Ну раз не хочет пастись, то пришло время её подоить, — произнесла Франческа, поставив рядом с Кларой кувшин. — Справишься, сынок?

— О, сегодня я могу сам?

Мама кивнула. Мальчик заулыбался, хотя и не мог скрыть волнение. Первый раз ему поручали такое ответственное дело. Добыть молоко — значит обеспечить семью едой и питьём на ближайшие дни, ребёнок ощущал большую ответственность.

— А можешь ещё разок показать? — смущённо спросил Оливер.

Мама вновь кивнула.

— Главное не торопиться, животное почувствует тревогу, если ты будешь слишком спешить. Убежит как только появится возможность. Нам этого не надо. Аккуратно берёшься вот тут и тянешь.

— Это всегда выглядит так глупо!

— Ну и что теперь? Это ведь естественный процесс. Так уж повелось. Не всё в этой жизни выглядит как тарелка с земляникой. Настоящая глупость — не делать что-то, боясь что о тебе подумают лишнего. Возьмись и попробуй.

Последние слова мама произносила голосом чуть ниже обычного. Так она пыталась казаться более серьёзной и авторитетной. Для Оливера это было отличным сигналом — мама в шаге от того, чтобы начать сердиться. Он не боялся её гнева, скорее печалился, когда из её добрых губ вырывалось что-то неприятное. Ведь она была роднее чем кто-либо, оставалась тем человеком, который ещё ни на день не покидал его.

Мальчик принялся за дело и стал аккуратно выдавливать драгоценные капли молока из вымени козы. Клара блеяла и иногда дёргала копытами. Оливер старался нащупать какой-то ритм, чтобы не давить слишком сильно. Он понимал, что животное скоро может начать сопротивляться, а это может сказаться на молоке. К тому же если не закончить доение, то у козы появятся уплотнения на вымени и ей будет тяжело. Всё это мама рассказывала ему каждый раз, когда занималась молоком.

— Вот видишь, всё получается. Ты молодец.

— Думаешь папа бы оценил?

— Он обязательно оценит, когда вернётся.

— У меня немного странное чувство от того, что он вернулся. Я почти не запомнил его тогда. А сейчас он как новый человек.

— Я знаю, что ты ощущаешь. Мне это знакомо как никому другому, поверь, сынок, — Франческа взяла в руки кувшин с молоком, содержимое которого теперь следовало переработать в творог. — Не пытайся простить его или понять, почему он так долго отсутствовал. Просто представь что это другой человек.

— Но новый отец мне не нужен... Я люблю старого! — в голосе мальчика послышался всхлип.

— Ну чего ты, — мама поставила кувшин и приобняла его. — Ты ведь такой взрослый уже и всё должен понимать. Я ведь не прошу тебя забывать о нём. Просто постарайся насладиться тем временем, когда он здесь.

— Он что снова может уйти? — Оливер совсем поник. — Лицо покрылось небольшими трещинками обиды.

— Взрослые иногда уходят. Но если дают слово, то непременно возвращаются.

— Тогда папа вернётся и я буду сидеть с ним рядом целый день. Глаз не оторву от него.

Франческа улыбнулась и подумала: «Всё такой же малыш, как и раньше». Этот факт впрочем её даже радовал. Ещё немного времени с ним маленьким, ещё несколько счастливых дней, пока он не перегнал её в росте.

— Франц — мальчик из дома за тем холмом... — мальчик осёкся.

Ему не разрешали так далеко уходить, но теперь уже было поздно сдавать назад и он продолжил уверенно:

— Он рассказывал мне о том, что его отец тоже рыцарь. Мне нравятся его истории.

— Вы часто с ним видите? — мама старалась говорить спокойно, она чуть сердилась, но вместе с тем не хотела казаться чересчур строгой.

— Если честно, примерно раз в три дня. Мы просто играем, ничего такого. Я даю ему покормить Бернарда, а он рассказывает про разные случаи.

— И что в этих историях?

— Много разного. Недавно он рассказывал, что его отец вернулся с людьми в чёрных плащах. Наверное это были какие-то другие воины.

— В плащах, — женщина вздрогнула. — Что-то ещё он о них говорил?

— Сказал они ходили по соседним домам. А потом эти чёрные воины уехали вместе с несколькими людьми.

— А куда? Он не говорил?

— Он не знает. Наверное они поехали в замок, чтобы тоже научиться драться мечом!

— Наверное, — задумчиво ответила Франческа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.